

**Клуб
Красная площадь**

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА
«Красная площадь»
17 февраля 2006 г.**

**ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:
«ДРУГАЯ РОССИЯ.
РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ
МУСУЛЬМАНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»**

**Москва
2006**

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»
17 ФЕВРАЛЯ 2006 г.**

**ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:
«ДРУГАЯ РОССИЯ.
РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ
МУСУЛЬМАНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»**

**МОСКВА
2006**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гейдар Джемаль</i> <i>Общество и время. Глобальный механизм отчуждения</i>	3
<i>Рафаэль Хакимов</i> <i>Где наша Мекка?</i>	12
<i>Рафик Мухаметшин</i> <i>В поисках религиозной идентичности</i>	19
<i>Алексей Малашенко</i> <i>Ислам в России в 2020 году</i>	35
<i>Исмаил Гаспринский</i> <i>Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения</i>	36
<i>Али Шарияти</i> <i>Красный ислам</i>	51
<i>Рухолла Хомейни</i> <i>Основы исламского государства</i>	53
<i>Послание имама Хомейни Михаилу Горбачеву</i>	56
<i>Материалы к заседаниям</i> <i>Московского интеллектуального клуба «Красная площадь»</i>	59

Гейдар Джемаль

ОБЩЕСТВО И ВРЕМЯ ГЛОБАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ОТЧУЖДЕНИЯ

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ВИДИМОЕ ОТСУТВИЕ БЕНЕФИЦИАРОВ В ОТКРЫТОМ СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Подавляющее большинство людей сегодня находятся под очень жестким прессингом современного общества, который воспринимается ими как давление социальной среды с ее ежедневными вызовами. Сегодня этот прессинг распространяется в разных формах очень широко. Раньше, в буржуазные времена, до прихода глобального люмпена и до люмпенизации и бюрократизации так называемых «правил игры» от внешних невзгод в значительной мере спасали деньги: богатые люди были более или менее защищены от этого прессинга, они пользовались дополнительными возможностями. Но сегодня ситуация резко меняется: деньги перестают иметь самостоятельную политическую силу, самостоятельный авторитет (если таковой изначально не был мифом, связанным с оккультным значением золота). Более того, изменяется взаимоотношение между людьми и их собственностью, в частности, между людьми и их деньгами. Сегодня государство настолько опутало все стороны человеческих отношений, что даже в либеральном капиталистическом обществе, провозглашающем либеральные капиталистические ценности, никто не может утверждать, что он находится в комфортном легальном владении своим достоянием, своими деньгами. Приходят финансовые инспекторы, приходят фискальные сыщики, налоговая полиция; деньги, которые перемещаются со счета на счет, отслеживаются, регистрируются. Поскольку правовое поле стало зыбким и виртуальным, то по отношению неважно к кому можно в любое время придумать обвинение и с равным успехом доказать как то, что оно высосано из пальца, так и то, что это страшное тяжелое обвинение, — в зависимости от политической конъюнктуры. Отобрать деньги и кинуть человека в тюрьму..

Ходорковский — периферийный пример того, что происходит на самом деле во всем мире. В Соединенных Штатах, где многие по неведению и по наивности предполагают существование иных взаимоотношений между человеком и его деньгами, между человеком и государством, людей весомее Ходорковского запирали в сумасшедших домах, как только они делали «шаг влево, шаг вправо». Поэтому сегодня говорить о том, что деньги являются защитной прослойкой между человеком и внешним миром, неправильно. Скорее, они представляют собой дополнительное бремя и дополнительную заботу для того, кому их приписывают.

Предположим, на человека «вешают» собственность в миллиард долларов. Этот человек тут же становится в определенном смысле преследуемым, гонимым: на нем лежит огромная ответственность по выплатам государству, во всякие гуманитарные фонды, он должен постоянно откупаться от системы, которая шантажирует его вплоть до использования папарацци, вторгающихся в его частную жизнь. В результате он должен вести затворнический образ жизни, ограждать себя наемными служащими, телохранителями и т.д. Его жизнь превращается в весьма проблемное существование.

Кроме того, жизнь современного богатого человека изобилует всевозможными долженствованиями: он должен носить то, есть это, проводить отдых таким-то образом, встречаться с такими-то людьми. Для сравнения, богатый человек XVIII или XIX века был настоящим самодуром, всевластным хозяином, которому домочадцы смотрели в рот, слуги говорили шепотом, мэр, допустим, города кланялся в пояс, когда встречал. А сегодняшний богатый человек — это человек, который просто является клоуном или актером, исполняющим жестко заданную социальную роль.

Может показаться, что люди, которые не владеют такой собственностью, на которых не лежит такая ответственность, посвободнее; наверное, они и сами считают себя свободными людьми. Служащие, пенсионеры – уж куда свободнее? Но, в действительности, и они связаны массой невидимых уз, облечены в социальные невидимые комбинезоны, которые сковывают их движения; и у них есть некая программа, которая связана с их самоидентификацией. Пенсионер – если это богатый, обеспеченный пенсионер из «золотого миллиарда» – обязан дважды в год ездить на Кипр, обязан болтаться там по побережью в цветных бермудах, шелкать фотоаппаратом; у него существуют определенные взаимоотношения с внуками, с другими пенсионерами, с пенсионными фондами и т.д., и т.п.

Понятно, что его время некоторым образом посвободнее: у него меньше контактов, меньше ответственности, меньше ежеминутных вызовов по отношению к нему; но, с другой стороны, он платит за это тем, что его время пусто. Современный пенсионер – это ходячий труп, он маргинализован и исключен из жизни. Да, общество социальных гарантий не дает ему умереть, более того, оно уплачивает ему огромный налог, благодаря которому пенсионер среднего класса сегодня считается чуть ли не одним из главных паразитов – правящая верхушка переключает негодование среднего класса на пенсионеров, которые, якобы, объедают работающих. Казалось бы, этот человек живет в свое удовольствие. Но если взглянуть внутрь его личного существования, то пенсионер – это социальный мертвец, каждая секунда которого бессмысленна. У него нет цели, у него нет миссии, у него нет задачи, он ни на что не влияет, он виртуальный человек. Просто ходит по горячим пляжам кипров и шарм-аль-шейхов, проводит время до крематория.

Если посмотреть на безработную молодежь, то, может быть, кто-то и позавидовал бы этим капитанам песчаных карьеров, которые гоняют вместо мяча консервную банку на пустыре, обдумывая как подломить ларек или найти наркотик, который поможет скоротать время. Но их существование еще более страшно, оно наиболее страшно, потому что молодые пассионарные люди обладают огромным временным и энергетическим потенциалом, потенциалом времени, зарядом воли, зарядом биологической энергии, у которого украден смысл.

Они поставлены в то же положение, что и пенсионеры, они являются ходячими трупами, только юными. Если пенсионеру до могилы остается несколько лет, то перед ними, с точки зрения юности, как будто разверзается целая вечность. Сколько лет гонять эту банку по этим страшным пустырям среди бетонных зубов поднимающихся небоскребов? Или вилл, огражденных колючей проволокой и зеленью, к которым не то что близко не подойдешь – даже взгляд не кинешь за их высокие заборы.

Сколько лет? Это с точки зрения семнадцатилетнего парня – будто вся вечность в ее пустой бессмысленности нависает над ним. Ужас этого таков, что единственное, чем он может поправить ситуацию, – это взять нож или украсть пистолет и выйти для того, чтобы бросить вызов, создать брутальный антисистемный хэппининг, произвести резкое действие, которое каким-то, пусть кажущимся, образом остановит эту вечность и, даже через его собственную гибель, через его жертву собой, вернет некий смысл этому пустому бессмысленному тлению.

Таков контур современного общества. Это контур общества, в котором в странном рабстве находится и олигарх, и пенсионер, и безработный парень из пригорода, и полицейский, который охотится на этого безработного парня. В этом обществе как будто бы нет тех, кто получает дивиденд. Все платят, но кому все это идет в карман?

ТРИ СОЦИАЛЬНЫХ МОДЕЛИ: ПЛЕМЕННАЯ, ТРАДИЦИОННО-ПИРАМИДАЛЬНАЯ И СОВРЕМЕННАЯ

Современное общество представляет собой картину, в которой схема традиционного общества перетасована и переструктурирована определенным образом. Существуют два главных типа общества: общество традиционное и общество современное. Конечно, у них есть подварианты, есть разные традиционные общества. Традиционное общество Средневекового Китая не похоже, на первый взгляд, на традиционное общество Средневековой Европы; и то, и другое не похоже на Абассидский Халифат или на Индию Моголов.

Однако если мы посмотрим со структурной точки зрения, то обнаружим, что все разнообразие традиционных обществ сводится к единой схеме.

В современном обществе, которым мы считаем социальное пространство золотого миллиарда, живущего в так называемых цивилизованных странах, почти все элементы традиционной

схемы перетасованы. Как если бы мы взяли скелет человека и переложили его кости в нестандартном порядке — например, грудная клетка идет на место таза, таз идет вверх, руки меняются с ногами, — это модель современного общества. Только голова остается на месте — как была наверху, так наверху и находится. А вот все остальное слегка перетасовано.

Есть еще одна модель социального существования — это модель примитивного племени, о которой так и говорят: это такое племенное существование, оно как бы и не общество. Ни в традиционном, ни в современном смысле.

Что такое племенная модель? Это легко можно представить с помощью массы приключенческих фильмов на тему джунглей Амазонки или чего-то подобного. Представьте себе схематический квадрат: молодые воины, вождь, старики, сверху — шаман. Все видно, все здесь: шаман — под рукой, его можно пригласить, старики сидят, советуются, вождь работает с молодыми воинами. Молодые воины всегда под рукой, смотрят на него с доверием, с блеском в глазах, значит, он может их повести, направить, они за ним пойдут, будут стрелять из луков, метать копья. Вождь получает указания от старейшин. Вернее, он садится вместе с ними, идет обсуждение, но коллективное мнение старейшин — это императив. Однако старейшины — тело, а дух у них — шаман, которого можно пригласить в некоторых экстренных случаях, он начинает входить в транс, и видит, как надо поступать. Вся схема здесь.

СОКРЫТОСТЬ ЖРЕЦА В ОТЛИЧИЕ ОТ ПЛЕМЕННОГО ШАМАНА

И традиционное, и современное общество имеют общую вершину: развитый институт жречества, находящийся вне подлинной обратной связи с социальным пространством. Главное отличие в том, что «шаман» — точнее, корпоративный институт жречества в его собственной закрытой функции — невиден. Он проявляется для публики лишь своей наиболее социальной, презентативной, отчужденной от подлинных «шаманских» дел частью.

Мы, конечно, можем видеть, как Папа Римский раз в год в белом одеянии помахивает рукой перед миллионом паломников, которые встают на колени; он на тридцати языках произносит какую-нибудь формулу мира, и, безусловно, это «шаман». Однако мы обнаруживаем здесь его не в функции реально шаманской: увидеть потустороннюю правду и донести ее до старейшин, которые сформулируют политическую задачу и поставят ее вождю. Мы видим его функции сугубо репрезентативного авторитета. Старик в белом одеянии образует контур туманно-лунной сакральности, которая пробуждает в сердцах миллионов неясное томление по правде и красоте, по добру и смыслу, благодаря которым жизнь все-таки имеет ценность в их глазах, и ее бремя, может быть, стоит нести... Не все так плохо, есть правда, есть сияние добра на этом свете, оно в этом прекрасном старике, носителе мира и благодати, которого мы видим издали в белом одеянии, который нас приветствует из вышних сфер, делает нам знак рукой. «И поэтому жить все-таки имеет смысл», — думают миллионы людей, процентов десять из которых, не видя они этого старика, может быть, покончили бы с собой сразу, а другие бы, например, стали бить витрины и пустились бы во все тяжкие. Но их останавливает одно: как я буду бить витрины и дам волю своему деструктивному «иду» (фрейдистское «оно»), стану гадом, когда передо мной в лице этого старика предъявлено воплощенное «суперэго». Значит, все мы должны, взявшись за руки, вести себя как примерные граждане большой человеческой семьи.

Таким образом, шаман появляется перед цивилизованным социумом очень редко, шаман коллективный, очень сложный, которого нельзя узреть и засвидетельствовать в его онтологической полноте.

За этим старцем-первосвященником стоят иерархии невидимых людей (а возможно, и не вполне людей), напрямую связанных с истиной, неведомой обычным существам. «Шаманы»-жрецы ее видят, они ее знают, они не говорят с простыми людьми, но их собеседниками и партнерами являются исключительно *хозяева жизни*.

Жрецы говорят с теми, — мы их еще не назвали, — кто является главным получателем дивидендов от этого общества.

Все три вида общества: архаическое племя, традиционная социальная пирамида, наконец, сложно иерархизированный современный социум с его парламентом и демократией — все это инструментализация власти «Великого существа». По этим термином мы имеем в виду архетипическую модель коллективного человечества, поддержание и реализация которой возложены на сверхэлиты, находящиеся в прямой коммуникации со жречеством, как представителями «Великого существа» в нашем реальном мире.

РЕАЛЬНОСТЬ «ВЕЛИКОГО СУЩЕСТВА» И ВЛАСТЬ СВЕРХЭЛИТ

Что такое власть? О власти говорят самые разные вещи. Обычно говорят, что власть — это когда я тебе приказываю, а ты исполняешь. То есть власть идет со стороны господина по отношению к слуге или к рабу. Кто-то должен повиноваться, а кто-то отдает приказ. Но вот у меня такой вопрос: это описание власти мне кажется очень внешним, потому что власть является фундаментальным внутренним бытийным состоянием. Я приведу пример. Допустим, человек попал на улице в засаду, пара хулиганов его окружила с ножами, они ему что-то приказывают, и он вынужден под страхом и угрозой для своей жизни что-то делать. В таком случае говорят: он оказался во власти хулиганов. Действительно, многие философы, в том числе и Гегель, говорили, что отношения господина и раба таковы, что раб вынужден работать на господина под страхом для своей жизни. Я убежден, что это фундаментальное, очень серьезное упрощение ситуации. Когда я оказался под дулом пистолета или к моей шее приставлен нож, и мне говорят: отдай кошелек, — да, конечно, я кошелек отдам, может быть, но я не считаю, что я нахожусь во власти у этого парня и что у него власть. Потому что он поставил меня в чисто внешнюю ситуацию, которая сейчас такая, а завтра он зазеваается, и я нож этот выбью, или он в какой-то момент услышит шаги, бросит нож и пустится наутек.

Если брать власть с этой стороны, то меня не убеждает такая ситуация, при которой кто-то может меня принудить внешним образом что-то сделать. Потом, можно ли сказать, что клиент, пришедший в ресторан, имеет власть над официантом? Он же отдает приказы: принеси то-то или то-то. Функция официанта — взять заказ и получить деньги. Но можно ли сказать, что у клиента власть над официантом? Если власть сводится к этому, то это вообще смехотворно. А ведь он заказы выполняет. Многие идут в ресторан, чтобы пережить ощущение власти. Они так понимают власть, что им хватает просто способности сформулировать заказ официанту, чтобы почувствовать себя на вершине жизни, господами. Но это же смешно!

Что такое власть? Власть, если брать ее в высшем смысле, с точки зрения архетипической традиционной знати — это состояние независимости, самодостаточности, всемогущества и свободы, в котором соединены все возможные состояния воедино. То есть это цельное самодостаточное свободное бытие, которое в самом себе имеет свое основание, свой смысл и свою идею. Такова власть в представлении Платона, Сократа, такова власть и в представлении Ницше, который был, наверное, наиболее серьезным современным философом, выразившим проблемы воли и проблемы проекта сегодняшней элиты, который она намерена реализовать любой ценой.

Ницше — острейший философ из тех, кто занимался экзистенциальным аспектом власти. Он считал, что самым близким к идеалу сверхчеловека, состояние которого воплощает это состояние власти, был Гете, суперфигура германской культуры. Кроме того, на сверхчеловека отчасти походил Чезаре Борджиа, на сверхчеловека был немножко похож Наполеон и, вероятно, Цезарь. Однако все они были приблизительные, ненастоящие сверхлюди, а самым подлинным сверхчеловеком был именно Гете. Гете объединил в себе разум и чувства, поднялся над ними, создал единый личностный сплав, по отношению к которому он стал господином. Он победил свое эго. Свое низшее стихийное «я», поднялся над страстями, контролировал ход своей мысли, он все элементы своего бытия соединил и существовал в светящейся благодатной самодостаточности, как бы в безвременье. А это, по Ницше, и есть сверхчеловек.

Если мы задумаемся в то, чьим образом является в ницшеанской философии Гете, если мы задумаемся также в послание Гете, в то, что выражает его учение, его культура, если мы задумаемся также в «Фауста», сильнейшую и глубочайшую вещь, написанную Гете, то мы поймем, что это состояние «Великого» (как выражались иллюминаты) или «Верховного» (термин якобинцев) существа, которое в исламской монотеистической традиции называется Иблисом. Иблис — он же Люцифер, Денница, Ормузд, Аполлон — есть, согласно монотеизму, существо, возникшее первым, сотканное из первичной праэнергии («огня»). Он находится в абсолютной оппозиции к «Богу пророков» — центру непостижимой внеонтологической субъектности, внешним выражением и ставленником которого, согласно монотеистической теологии, является физический человек.

Состояние Иблиса — это идеальное состояние, которое Иблис имел, пока не был низвержен за неповиновение Всевышнему, потому что отказался поклониться Адаму. Как первое существо, соединявшее в себе свет и жар — два главных атрибута первичного огня, Иблис чувствовал себя в полной самодостаточности, соединяя в себе все возможные состояния в том совершенном равновесии, которое для традиционной метафизики и есть «свобода».

Сверхчеловек как образ высшего существа, как некий идеал, который Ницше определил как цель нового человечества или, точнее, подлинных людей, является проекцией Иблиса на землю. И это то, чем хозяева жизни, те существа, которые находятся наверху общества, в оптимальности хотят стать. Но между ними и Иблисом существует посредник, потому что Иблис — это существо сверхъестественное. Иблис — это существо, которое находится по указанию Всевышнего «спереди, сзади, справа и слева» и во много раз превосходит по своим «грубым» и «тонким» возможностям человека. Прямой контакт с ним или ориентация на него крайне затруднены, поэтому для такой цели существуют посредники — шаманы или жрецы. Все жрецы и шаманы, независимо от конфессий, независимо от способа организации посредничества, независимо от своих деклараций, ориентируются именно на Иблиса, который представляет собой универсальную посредническую точку соединения всех возможных структур и проявлений, которые только можно реализовать.

Человек бесформен, потому что он может принять любую форму. Он может идентифицировать себя как все, что угодно. Тело его, конечно, имеет форму, но это низшая, грубая форма, которая в данном случае не имеет значения. Об истинной форме речь идет тогда, когда человек полагает себя принадлежащим к расе, сословию, касте, иерархическому статусу в пирамиде и т.п. Все те модели, которые он для себя избирает, которыми он себя наделяет, — это формы, которые, в принципе, коренятся в его природе, и он под влиянием тех или иных условий уже может себя позиционировать как то или это. Мы называем формой то, что человек придает себе как духовному существу, те состояния, которые он может пережить и обрести.

Так вот, жрецы рассматривают Иблиса как глобальное тотальное существо, которое обладает возможностями и контролем над всеми формами и всеми состояниями. Это знание и эта позиция жрецов идет с глубочайших времен, с золотого века и, претерпевая различные модификации, существует до сегодняшнего дня. Она невыраженно фундаментально существует даже на уровне коллективного бессознательного жреческой касты. Причем, жреческая каста обладает возможностями и способностями, которые намного превосходят возможности и способности ординарного человека. Это люди, которые владеют собственным временем и обладают талантом или возможностью созерцания, уникальной способностью, которой большинство людей так или иначе лишены. Да и не имеют, по правде говоря, к этому склонности или охоты. Большинство людей проводят свое время в преследовании куска хлеба, заботе о семье, реализации тех или иных задач. У них нет возможности отвлечься на простое абстрактное созерцание. А между тем, в простом абстрактном созерцании заключена колоссальная сила. Люди, которые могут предаться такому созерцанию и практикуют его, собирают такую энергию, такой авторитет и вес личности, что оказывают практически магическое влияние на тех, кто подходит к ним близко. Людей, которые способны просто медитировать, не впадая в транс, а именно созерцать активно, становясь зеркалом всего сущего, имеющих такую способность врожденным образом, очень немного, и они всегда были среди всех народов во все времена человечества. И именно они избираются на роль посредников между темным сверхъестественным началом, искушающим человека, и людьми как социальной тканью.

Общество является просто механизмом, в котором воплощается власть, стоящая за созерцанием, власть искушения, которая разлита в этом сером пространстве между небом и землей.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ АНАТОМИЯ СОЦИУМОВ

Мы говорили в двух словах о том, чем является племя, в котором все на виду: воины, вождь, старики, которые в этой архаической структуре чувствуют себя не изгоями-«пенсионерами», а настоящими хозяевами времени — геронтократами. Старики потому имеют особый статус, что они вот-вот уже присоединятся сонму предков, к невидимой церкви племени, потому что у всех языческих племен первая и натуральная религия, которую они исповедуют, — это культ предков. Предок, раз умерев, становится независимым от течения времени, он становится вечным, переходит в разряд причин, по отношению к которым живущие есть только следствие, и это наиболее очевидная форма победы над временем. Тем более, каждый из этих людей знает, что если он оставит потомков, то он будет вечен в их памяти и присоединится к этой невидимой церкви. Поэтому старики и обладают властью как посредники между предками и живущими.

Перейдем к традиционному обществу. Его структура подобна пластикам грубой и светлой, более тонкой глины, расположенным друг над другом тремя слоями, в которых рафинированность, subtilность возрастает снизу вверх. Внизу идет, как известно, самая примитивная сту-

пень. Это самый низ треугольника — простейшие рабочие, крестьяне, мужики, самая низшая обслуга; над ними — мелкие торговцы; над ними — мелкие одинокие ремесленники. Вот это самый простой треугольник традиционного средневекового общества. Второй треугольник в середине начинается со свободных горожан-собственников; над ними идут купцы, которые имеют уже возможность куда-то выезжать, менялы, финансовые воротилы, которые уже имеют контакты за пределами этого местечка или этого региона; над ними — рыцари, воины. И наиболее высокий треугольник — это: внизу аппарат монарха, государства; над ним — губернаторы или наместники; над ним — сам монарх, фараон, кесарь и так далее. Таковы эти три треугольника — три фундаментальных иерархических компонента, лежащих в основе традиционной социальной иерархии.

Для того, чтобы понять внутреннюю тайну, характеризующую эти компоненты социальной анатомии, нужно представить себе каждый из этих треугольников как бы предьявленным зеркалу: зеркальное отражение замыкает реальный треугольник до некоего виртуального квадрата. В этом гипотетическом «зеркале» проявляется четвертая точка, присущая каждому из треугольников, но невидимая в реальном пространстве: это четвертая точка — тайное жреческое присутствие внутри каждого последовательно иерархического слоя социальной пирамиды, которую мы анализируем как треугольник. Невидимый жреческий фактор превращает каждый треугольник — всегда относительно нестабильный! — в наиболее устойчивую, инертную геометрическую фигуру: квадрат.

Невидимое жреческое присутствие сопровождает каждый слой социальной пирамиды. Внизу тоже существуют посвященные и скрытые устазы, скрытые шейхи, которые действуют на уровне мелких торговцев, мелких ремесленников; они связывают низы в особые сетевые структуры патронажа, поддерживая стабильность и объясняя им проблемы и несправедливости этого мира. У рыцарей существуют ордена. А наиболее высокий уровень жречества работает с фараоном, который является персонификацией «Верховного существа» здесь, среди людей. В конечном счете, фараон прямо отождествляет себя с «Верховным существом», и говорит народу: «Я ваш верховный владыка» (Коран 79:24).

Кесарь тоже считал себя богом, и заставлял все народы приносить себе жертвоприношения в их храмах, даже иудеев пытался заставить это делать. С «кесарем» работает наиболее высокий уровень жречества, который осуществляет прямое посредничество с «Верховным существом».

Таково традиционное общество. Оно имеет одну цель, одну задачу — выжимать из людей снизу доверху их время, их смысл, их энергию и переводить вверх фараону и жрецам, которые питают этим сокровенным ресурсом человечества «Верховное существо», в котором реализуется баланс всех сил, образующих великий космос. Космос — это место, в котором каждый следующий момент содержит меньше предыдущего, он подчинен началам термодинамики — остыванию, энтропии. А задача общества — продолжать свое существование вопреки этому. То есть надо каждый следующий момент компенсировать убывание и остывание среды вокруг человеческого сообщества. Это компенсируется той энергией и соками, которые выжимаются из людей снизу. Прямой ток вверх, к фараону — это и есть тот канал, по которому, осуществляется компенсация энтропии естественной природной среды для того, чтобы социум мог продолжать существование вопреки агрессии абсолютного нуля.

Но сколько можно взять с простых рабов, слуг, ремесленников, сколько можно взять с людей, которые имеют свое физическое время, 24 часа в сутки, и элементарное окружение: 2-3 человека соседей, несколько ближайших родственников, хозяин-работодатель и надсмотрщик — крайне тесный мирок общения и очень бедное человеческое пространство. Их физический труд почти ничего не стоит. Такой социум, метафорически выражаясь, может направить вверх сто рублей. А каждый следующий момент существования общества стоит дороже: завтра надо платить сто десять, послезавтра — двести, на следующий день — триста. В геометрической прогрессии возрастает требование космоса к человеческому пространству. Энтропия действует как своеобразный насос, который вытягивает энергию, вытягивает соки из людей, а они не способны дать больше, чем позволяет их фактическое общественное состояние, их социальная инфраструктура, их производительные силы.

Оказывается, нужен прогресс, для того чтобы быть в состоянии «расплатиться» с космосом. Хозяева и организаторы человеческого пространства, жрецы идут на системную перестройку традиционного общества, которую они спускают сверху, но делают похожей на то, как если бы она произошла органическим образом снизу. Они осуществляют превентивные революции

для того, чтобы резко обновить человеческий состав, обновить позиции, занимаемые различными классами людей, то есть они допускают, чтобы более грубая глина, которая в традиционном порядке должна быть внизу, под тонкой, пошла наверх, чтобы она встала в середину этой пирамиды. Таким образом, происходит интенсификация человеческих процессов, субтилизация или совершенствование поднимающихся снизу пластов, мобилизация глобального общечеловеческого ресурса. Тем не менее, те, кто правили человечеством в его традиционном облике, остаются на месте и продолжают управлять новым обществом, лишь слегка модифицировав и прикрыв свое присутствие. Иными словами, во все времена, при всех уровнях развития производительных сил, в традиционной цивилизации так же, как и в эпоху постмодерна и постиндустриализма правит одна и та же верхушка, один и тот же субъект господства, организующий возрастающее от эпохи к эпохе отчуждение. Причем важно понять, что эта верхушка имеет не только духовную и метафорическую, но и сквозную физическую преемственность, проходящую через изменчивые облики сменяющих друг друга эпох.

Вот как возникает современное общество. Треугольник из середины традиционной иерархии переворачивается вершиной вниз и опускается на дно вновь образовавшейся системы, которая называется современностью. Кто был в том традиционном треугольнике? Вверху — там, где вершина треугольника, — рыцари, посередине треугольника — купцы, в основании треугольника — свободные горожане. Что происходит, когда этот треугольник перевернут и брошен вниз, смотрит вершиной в дочеловеческое подземелье? Там, где были рыцари, возникает пролетариат диаспор, обитатели фавел в гарлемов. С их средневековыми железными предшественниками, принадлежавшими когда-то к социальному верху, этот пролетариат роднит одно: религиозное переживание насилия, во имя которого они существуют и терпят убожество и тщету своей жизни. Эти люди подобно рыцарям готовы убивать и умирать и инстинктивно переживают эту готовность как сердцевину своей религии. Этот пролетариат насилия — люмпен рыцарство новейшего времени — является горючим материалом в топку перманентного силового сопротивления, которое человечество оказывает и будет оказывать в дальнейшем Системе.

Над ними в этом перевернутом треугольнике располагается слой тех, кому в традиционном обществе соответствовали купцы. В новейшее время в этом перевернутом, перешедшем вниз треугольнике бывшие купцы превращаются в организованный криминал. Купечество традиционного общества — это авантюристы, первопроходцы, посредники между землями. Там они платят дань (сегодня бы сказали «рэкет») рыцарям, которые взимали железной рукой деньги за право проехать через их феодалы. В новейшей системе эти авантюристы превращаются в организованную мафию, которая «снимает пенки» с фавел: рекрутирует бойцов и толкает на их улицах наркотики. Наконец, те, кто были свободными горожанами в традиционном пространстве, подчиненными купцам и уж тем более много ниже кастовых воинов, превращаются сегодня в класс социальных служащих, бюджетников: полиция, различные спецслужбы, социальные служащие, все те, кто организует сложный сплав массовой части гражданского общества с низовой бюрократией. Бюджетники воплощают сегодня нервную систему современного мегаполиса, они, как правило, близки или срослены с криминалом и совместно с ним угнетают бесправный пролетариат фавел — «павших рыцарей».

Такова ситуация среднего треугольника в трехступенчатой лестнице старой иерархии, который теперь становится нижним слоем общества. А что происходит с той ступенькой, которая в прошлом находилась внизу? Она идет вверх на место среднего, при этом также переворачиваясь: основание вверху, вершина — внизу. В нижнем треугольнике прошлого наверху находились независимые ремесленники, подпиравшие нависающие над ними слои свободных горожан. Сегодня они становятся деклассированной богемой, которая классово превосходит социальных бюджетников — полицию, учителей, медсестер, о которых мы говорили выше. От ремесленников они наследуют дух и стилистику маргинального творчества, которые, однако, в современном обществе начинают выполнять функции высокой культуры (художники, актеры, писатели, журналисты).

Те, кто раньше были в середине нижнего треугольника, мелкие торговцы, сегодня располагаются в середине среднего треугольника — можно сказать, в математическом центре всей постиндустриальной иерархии. Они образуют сегодня сферу услуг, которая включает в себя в том числе и шоу-бизнес, жестко контролирующей творческую богему.

Самое интересное превращение происходит с обитателями традиционного дна — слугами, неквалифицированными работниками, мужиками всех разновидностей. Сегодня они занима-

ют верхнюю часть среднего треугольника (напомним, что поскольку он перевернут, то это основание). Они стали из лакеев корпоративными служащими — яппи. Огромное количество бессмысленных обитателей бессмысленных офисов — менеджеры, орговики, секретари и референты всех мастей — это те, духовными предками которых была низшая челядь. Подчеркнем здесь, что речь идет не о традиционных клерках, которые и тогда и теперь представляют собой бюрократию, а о той человеческой фауне, что является паразитическим слоем внутри именно работающей части населения. Эти паразиты — организаторы офисного «воздуха» — представляют собой те органические клетки, из которых состоит тела корпораций, а корпорации, как известно, сами по себе не производят ничего, а только присваивают и капитализируют продукт, сделанным кем-то и где-то.

Наконец, высший треугольник традиционного социума так и остается высшим треугольником современного, но тоже переворачивается. В традиционном, как мы помним, наверху был король, в середине — аристократия, номархи, наместники и т.д., внизу — аппарат, те самые клерки. В перевернутом виде сегодня это выглядит так. Наверху — на месте короля — клерки, госаппарат, вездесущая бюрократия. В середине — вместо номархов и губернаторов — политические партии-бренды. В самом же низу, там, где вершина смотрит в сторону корпораций, находящихся ниже, — индивидуальные политики, персональные представители номенклатуры, которые воплощают сегодня тот личностный принцип, что в прошлом реализовывался только в фигуре монарха.

Что же произошло со знатью и жрецами, особенно с последними, которые в традиционном обществе представляли собой в каждом треугольнике четвертую невидимую точку, дополняя его до виртуального квадрата? Подлинные короли, которые и по сей день называются королями (а не их имитаторы для человеческих масс в виде политических деятелей), стоят теперь над обществом вместе со своим ближайшим аристократическим окружением. Они подобно отделенной от государства церкви, хотя и продолжают во многих случаях упоминаться в конституциях и символизировать суверенитет, но при этом вынесены из зоны ответственности. Мирская знать учла опыт царевичей и после Карла I занялась строительством такого надмирного клуба господ, существование которого было бы застраховано от любых исторических потрясений. Что же касается жрецов, то сегодня они образуют совершенно закрытую экуменическую касту, действие которой более не сопровождает непосредственную жизнь вышеописанных треугольников: эта каста теперь служит мостом непосредственно между сверхэлитой и «Великим существом». Притом, что весь социум как таковой хотя и остается инструментом отчуждения внутреннего человеческого ресурса, но не несет больше на себе печати общей сакральности, которая была присуща традиционному миру. Если традиционное общество включало в себя духовный элемент, сопровождавший практически каждый составляющий его слой, то современный социум просто превратился в глиняного голема.

КРИЗИС ОТЧУЖДЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО ПОСТУПАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Что же происходит на самом деле? Огромное количество вчерашних крестьян, фермеров, слуг, людей низшего слоя жизни, сегодня трансформировались в корпоративных сотрудников, в яппи, которые ездят в костюмах, с ноутбуками в офисы, проводят там положенные часы, совершают абсолютно виртуальные непроизводительные действия, вступая при этом в колоссальное количество человеческих связей, которые их детерминируют. Они отдают гигантское количество энергии. Это не энергия перетаскивания камней, которую можно легко измерить в джоулях. Это тонкая энергия внутреннего времени, которая запасена в людях низа в особо, так сказать, мощном количестве; когда они передвигаются в средний класс, то становятся функционерами, включенными в бесчисленные социальные валентности: они должны растить и учить своих детей, поддерживать светские отношения, выплачивать огромное количество страховок и прочих отчислений, участвовать в массе политических, местных, муниципальных и прочих инициатив и т.д. Их жизнь напоминает бег белки в колесе. Их время расходуется по десяткам и сотням направлений.

Таким образом, сегодняшнее общество за счет сверхэксплуатации среднего класса продолжает «расплачиваться» со вторым началом термодинамики, с космосом, с принципом остывания, с принципом рока, времени. Однако эти ресурсы подходят к концу: хотя «золотой миллиард» превратился в миллиард человеческих белок, бегущих внутри колес бессмысленного вре-

мени, осталось примерно пять миллиардов людей, время которых протекает в режиме, близком к традиционному. Они нищи и наги, зарабатывают личными и при этом достаточно примитивными усилиями гроши, которые им нужны для поддержания достаточно минималистского существования. Чтобы увеличить исходящий от этих несметных человеческих низов поток отчуждения, нужно их поднять до уровня развития западного среднего класса. Однако чтобы превратить китайцев, бразильцев, мексиканцев, индейцев, жителей Ближнего Востока в парижских и вашингтонских яппи в галстучках и с портфелями, нужно вложить гигантские свободные средства, которыми сейчас мэтры мирового порядка не располагают. Правящие классы эти средства прожрали через спекулятивную экономику, через фьючерсы, через сделки на основе технологий, которые еще не пущены в ход и которые все чаще и чаще оказываются фиктивными. Высшие классы за счет голой спекуляции прожрали те ресурсы, за счет которых можно было бы превратить этих бегающих по лесу вольных полевых зайцев в таких слуг общества, с которых можно снимать пенки.

Что значат реальные ресурсы? В семнадцатом году царская Россия состояла примерно из трех миллионов дворян и интеллигентов и из ста пятидесяти миллионов диких мужиков. За двадцать лет эти сто пятьдесят миллионов мужиков в своей значительной части были превращены в рабочих, функционеров, членов партии и т.д. Они заседали в месткомках и парткомках, тратили свое время, вступали в социальные контакты, научились читать и писать, из них потоком шла энергия, которую Советский Союз отбирал и претворял в различные проекты. В ГО-ЭЛРО, в атомный проект, в космический проект. Откуда это все взялось? Это прямая конвертация человеческой энергии. Для того чтобы превратить за двадцать лет неграмотных мужиков в функционеров, городских деятелей, обывателей со средним образованием, инженеров и т.д., с которых можно получить в тысячу раз больше, чем со старой России, надо было вложить все реальные средства, которые можно было найти на территории царской Империи. Вырвать из корсетов принцесс бриллианты, забрать из Эрмитажа картины, продать Рафаэля, отобрать зерно — все реальное, что было, все было пущено в этот проект. И действительно, через 20 лет по территории России ходил совершенно другой человек, который шагал в спортивном костюме на параде, размахивал флагом, участвовал в спартакиаде, был членом ДОСААФ и так далее. А его дедушка или его папа с гигантской бородой еще деревянной сохой ковырял землю.

Но сегодня нет этих денег. Поэтому никто не собирается поднимать пять миллиардов до состояния «золотого». Вместо этого хозяева жизни решили сбросить нас с корабля современности и перейти к информационному обществу, которое обещает стать самой жестокой полицейской диктатурой за всю историю человечества. Перед нами перспектива третьего общества — мы уже сказали о двух, традиционном и современном, — информационно-виртуального, где бывший средний класс будет превращен в компьютерных роботов, в терминалы информационных потоков. А пять миллиардов людей будут брошены вниз в сплошную пустыню, и если они попытаются там взбунтоваться, как во Франции, то космическая полиция на звездолетах будет рубить их лазерными лучами из космоса. И эта перспектива — не фантастический роман, это то, что стоит перед нами как вызов завтрашнего дня. Вот почему сегодня мы — пролетариат, диаспоры — рыцари вчерашнего дня, которые стали новым пролетариатом, должны озаботиться своими правами, своим политическим и историческим выживанием.

Рафаэль Хакимов

ГДЕ НАША МЕККА?

Бид'ат — вводить что-либо новое... Не слишком ли легко вырывается это слово из уст? В научном мире новизна и споры являются нормальным явлением, и даже ошибки друг друга воспринимаются здесь как поиск истины. А в исламе любая свежая мысль может оказаться под подозрением и запретом.

Хотелось бы знать вечные истины, но они, видимо, не существуют. Добро и зло не застывшие категории. Существует золотое правило: «Каждый должен поступать с другими так, как он хочет, чтобы с ним поступали». Оно существует в христианстве, исламе, конфуцианстве. Но когда китайский мудрец сказал это мулле Насреддину, тот ответил: «Одна птица ела ядовитые ягоды, не причинявшие ей никакого вреда. Однажды она собрала немного этих ягод и превратила свой завтрак в жертвоприношение, накормив свою подружку лошадь». Нормы шариата, хорошо служившие в средние века, могут оказаться непригодными в XXI веке. Сейид Кутб утверждает, что «человечество идёт ошибочным путём» (Сейид Кутб. Будущее принадлежит исламу. — М., 1993. С.88). Он пишет: «Коррозия разъедает духовную суть западной цивилизации со всеми её доктринами и порядками... Она грозит регрессом и вымиранием, несмотря на огромный подъём науки и техники» (Там же. С. 57-58). Однако нельзя не видеть очевидных вещей. Преимущества Запада основаны на заимствовании лучших достижений человечества. Медицина, которая лечит, технологии, делающие людей богатыми, современная агрокультура, которая кормит население и помогает изживать бедность, стремление к равенству и справедливости — всё, к чему призывает Коран, больше всего делается именно на Западе.

Пытаясь объяснить «невежество» Запада, Сейид Кутб саркастически утверждает: «Мы воображаем себе, что разум, создавший самолёты, ракеты, расщепивший атом, изобретший водородную бомбу, познавший законы природы, использующий их в своей деятельности, способен также решить задачу создания “строю” человеческой жизни, правил, касающихся представлений и концепций убеждения, основ нравственности и морали» (Там же. С. 90-91). Однако без создания высокоразвитого общественного строя, соответствующей морали и трудовых навыков невозможно создавать самолёты и ракеты. Думать иначе — значит заниматься самообманом. Великий поэт и мыслитель XII — начала XIII веков писал: «Тот, кто спит на Пути, потеряет либо шапку, либо голову». Пока арабские страны были в колониальной зависимости, то можно было во всём обвинять мировой империализм, но с тех пор прошло достаточно времени, чтобы избрать собственный путь. Однако модели развития мусульманских стран не впечатляют. А попытки создать чисто «исламские» государства привели их к ещё большей отсталости. Теперь причины отсталости нужно искать не столько вовне, сколько в собственном строе. Нужно честно признаться: исламский мир оказался в стороне от магистральных путей развития человечества.

Нельзя отсталость оправдать праведностью. Если мусульмане праведны, то почему они отстали? Назначение Корана было иное — сделать жизнь людей счастливой. Сподвижники Пророка считали, что каждый учёный может самостоятельно изучать Коран и иметь своё мнение — иджихад. Молодой ислам давал ответы на практические проблемы. Арабы жадно впитывали достижения различных культур, начиная с древнегреческой. Халифы стали хозяевами земель древних евреев, византийцев, персов, а также греков и буддистов, в завоевательных походах они достигли юга Франции, Испании и долины Инда. Ислам был открытым к восприятию иных традиций. В этом было его преимущество. Свободомыслие и открытость сделали ислам сильным. Европа многому научилась у арабских мыслителей. Медицинским трактатом Ибн Сины «аль-Канун» пользовались в Европе вплоть до XVII века. Европа зачитывалась Ибн Рушдом, а через труды аль-Хорезми она познакомилась с «арабскими» цифрами и алгеброй (аль-джабр). Собственное имя аль-Хорезми было превращено в термин «алгоритм». Идеи Аверроэса доминировали в Европе с XII до конца XVI века. Но затем исламская мысль погрузилась в схоластику и, похоже, не может выйти из неё.

Праведность и отсталость несовместимы. Если твой народ не прогрессирует, если мусульманский мир отстаёт от христианского, в чём тут праведность? Величие культуры в прошлом не является аргументом в XXI веке. Нельзя сидеть, восхищаясь прошлым, и тем самым утешать се-

бя. Вся восточная культура, как чистокровная арабская лошадь, стала предметом любования, но малопригодна в хозяйстве. Она всё больше походит на живой музей под открытым небом. Не Ататюрк ликвидировал эпоху исламского халифата (См.: Сейид Кутб. Указ.соч. С. 5), а слепое следование традициям (таклид) ослабило исламский мир.

Богословы боятся модернизации ислама, боятся рационализма, якобы исключаящего веру. Сейд Мухаммад Накыб аль-Атгас считает высшей формой познания интуицию. «Уровень интуиции на высшей ступени человеческого сознания, которого достигают пророки и святые, позволяет заглянуть вглубь природы реальности» (Сейд Мухаммад Накыб аль-Атгас. Введение в метафизику ислама — изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения. — М.: Куала-Лумпур, 2001. С.138). Автор считает, что общество по преимуществу невежественно, а потому трактовка ислама, опирающаяся на интуицию, является уделом избранных, святых и совершенно непозволительна толпе, простолюдинам. Надо заметить, что Пророк не чурался народа — скорее наоборот, охотно общался с бедными и гонимыми. Сегодня потомки Мухаммада Сейды предпочитают стоять над толпой и претендуют на роль чуть ли не новых пророков.

Юсуф аль-Кардави, призывая к иджтихаду, в то же время пишет: «Недопустимо оставлять положение дел таким, когда каждый желающий имел бы доступ к иджтихаду, ибо это приведёт к анархии и смуте» (Юсуф аль-Кардави. Современный иджтихад: от беспорядка к порядку. — Казань: Иман, 2001. С.67). Он считает, что есть те, кто достоин, и те, кто недостоин, делать иджтихад. Но кто определит когорту «достойных»?

Богословы ссылаются на выдающихся мыслителей средневековья, которые ограничивали круг людей, имевших право на иджтихад. Это вполне объяснимо — в то время уровень образования населения был таков, что не всем были посильны размышления на богословские темы. Сегодня поголовная грамотность и доступность высшего образования меняют ситуацию.

Юсуф аль-Кардави выдвигает и другие ограничения на иджтихад: «Нет места для иджтихада в категоричных вопросах..., таких, как обязательность поста для мусульман, запрещение вина или употребления свинины, запрещение ростовщичества или обязательство отрезания руки вора, если нет никаких сомнений в том, что он украл. Также такие вопросы, как раздел наследства покойного отца между его детьми, причём его сыновьям полагается вдвое больше, чем дочерям, и другие положения Корана и достоверной Сунны, которые приняты всей Уммой и являются догмами религии, представляющими собой опору идейного и общественного единства Уммы» (Там же. С. 72). Но ведь в Коране можно найти стихи, которые дают очень гибкую формулу запретов. Сказано: «Тем, которые веруют и делают добро, нет греха съесть что-либо запрещённое, если только они боятся Бога, веруют и делают добро, потом опять боятся Бога и веруют, потом всё-таки боятся Бога и делают добро; ибо Бог любит благотворящих» (5:93). Подобные стихи нуждаются в современном толковании.

В Коране есть много стихов о том, чтобы убивать неверных. Сказано: «По окончании священных месяцев убивайте язычников, где бы вы их не встретили» (9:5). Причём некоторые богословы под язычниками понимают всех, кто не следует историческому шариату. Сейид Кутб пишет: «Люди, живущие в соответствии с путём, предначертанным Аллахом, — это мусульмане, а люди, идущие любым другим путём, — язычники, которых не признаёт эта религия» (Сейид Кутб. Указ.соч. С. 9). В Коране же о христианах и иудеях сказано, что они люди писания, а не язычники. Далее можно найти такие строки: «Ведите войну с теми, которые не веруют в Бога и в последний день, не воздерживаются от запрещённого Богом и его Пророком, и с теми из получивших писание, которые не исповедуют истинной веры» (9:29). В то же время другой аят не столь категоричен: «Призывай на путь Божий мудростью и добрым увещанием» (16:125). Пророку было сказано: «О пророк, веди священную войну против неверных и лицемеров и будь жесток с ними» (9:73). Но вместе с тем Пророк говорил: «Поистине, Аллах любит доброжелательство, мягкость во всех делах». Мы видим разные предписания по одному и тому же вопросу. Или сказано: «О верующие, воюйте с соседними неверными, пусть они всегда находят вас строгими» (9:123). Но Пророк любил повторять: «Остерегайтесь чрезмерности в религии». Мазхабы трактуют подобные положения как категоричные, причём в сторону жестокости. Сегодня эта жёсткость не имеет оправдания.

На рубеже XVIII и XIX веков татарский богослов-реформатор Габденнасыр Курсави (1776-1812), родоначальник движения джадидизма (от арабского слова аль-джадид — обновление, реформа) среди татар, обратился к народам с призывом: «Вы не истинные и правоверные мусуль-

мане. Вы отступили от Корана Аллаха и преданий Пророка». Он призвал обратиться к самой Священной книге и критически оценить существующие традиции её толкования.

Будучи в Бухаре, он высказался насчёт атрибутов (сыфат) Бога. В то время одна группа богословов насчитывала их семь, другая — восемь. Курсави утверждал, что нельзя сказать ни то, ни другое, поскольку Коран никак не определяет число атрибутов. Меджлис улемов (признанных знатоков ислама), специально собранный по этому случаю с участием эмира Бухары, издал фетву (заключение), согласно которой любой мусульманин, не признававший семь или восемь божественных атрибутов, считался вероотступником и подлежал смертной казни. Курсави оказался в темнице, но казнь его не состоялась — за него заступился его бывший учитель, весьма авторитетный шейх Ниязкули. Курсави заставили отречься от своих слов и публично сожгли его сочинения. Затем он бежал из Бухары на родину.

Невольничий рынок в Бухаре в годы пребывания Курсави был полон шиитами из Ирана. По традиции они считались куфрами (неверными), а потому на них не распространялся принцип «куллю муслим хурр» (каждый мусульманин свободный). Но в Коране и Сунне нет точного определения куфра. Если одни осуждают других в куфре, не имея на то права, то чем одни лучше других? «Их мазхаб — пристрастие (хава), как и ваш... Прибежище вам, помимо руководства Аллаха, следование путём Сунны», — писал Курсави.

Обращение к Корану и Сунне фактически отрицает какой-либо мазхаб. В глазах современников оказывалось, что таклид не был методом спасения, нужен был самостоятельный поиск — иджитхад. При этом для Курсави общественное мнение не могло выступать критерием истины. Он считал, что учёный, убеждённый в истинности своих рассуждений, их соответствии «прямому пути», сам мог считаться джама'ат (обществом мусульман), а потому имел право действовать по собственному усмотрению, даже если его поступок осуждался большинством. Человек, отстаивающий истину, равновелик общине. Это было революцией в теологии, и идеи Курсави подхватила блестящая плеяда татарских богословов.

Прошло два столетия, а споры вокруг поднятых Курсави проблем продолжают. Хайдар Баш пишет: «Призыв непосредственно обращаться к Корану и Сунне, напрямую в эпоху Аср Саадат, отвергая принципы мазхабов и машрабов, означает отрицание иджма-и уммат (*Иджма-и уммат — решение авторитетных мусульманских учёных по какому-либо вопросу*) и кийас-ы фукаха (*Кийас-ы фукаха — сравнение по аналогии в решении некоторых вопросов*), которые сами определяют Кораном и Сунной... А ведь мазхабы и машрабы Ахл ас-Сунна уже давно проделали анализ всех религиозных проблем, основываясь на самых достоверных принципах» (Хайдар Баш. Права женщины в Исламе. — Казань, 2001. С. 160-161).

Но разве время остановилось, чтобы считать все проблемы решёнными? Хайдар Баш продолжает: «Тот факт, что веками умма без тени сомнения следовала и руководствовалась мазхабами и машрабами и столетиями имамы мазхабов и машрабов оставались непререкаемыми авторитетами, — есть историческое доказательство того, что мазхабы и машрабы отличались и отличаются основательностью своего подхода и представляли истину» (Там же. С. 161).

Но ведь если бы человечество придерживалось такой же логики, то до сих пор устройство солнечной системы объясняли бы по Птолемею, а не Копернику. За страстной защитой мазхабов и в целом принципа таклида, а также иджмы стоит простая мысль — любой мусульманин, не рассуждая, должен следовать за учителем. «Для победы истины (хакк) верующие должны проявить послушание (ита'ат) авторитетному центру из своей среды. Это послушание — часть послушания Аллаху и Его Посланнику» (Там же. С. 199). Но как может авторитетный центр брать на себя функцию представительства Господа и Его Пророка?! Прав Фарид Исак, который пишет: «Можно упомянуть и тех, кто оказался заморожен демагогической болтовнёй некоторых религиозных лидеров, которые отстаивают идею, что в исламе не может быть демократии и что вся власть — от Бога, тем самым возвышая самих себя до агентов Бога, а всех прочих низводя до уровня простых исполнителей» (Фарид Исак. Быть мусульманином. — М., 2002. С. 157). У каждого свой путь к истине, его не заменит ни учитель, ни имам. Служители культа могут помочь в поиске истины, если сами не оказались в сетях таклида.

Пророк Мухаммад говорил: «Воистину, Аллах в начале каждого столетия будет посылать умме человека для обновления религии». Что имел в виду Пророк под обновлением религии? Видимо, то, что толкование Корана должно соответствовать своему времени и конкретным условиям. Ислам — развивающееся мировоззрение. В этом его сила. Буквальное прочтение Корана не может точно передать его смысл, потому что его принципы должны быть приемлемы в

данном месте, в данное время и для данных людей. Со временем меняются нормы, но неизменен дух Корана. Габдулла Буби писал: «Если мы будем обращаться лишь к старым тафсирам, то это будет означать, что Коран конечен и исчерпаем, а слова Пророка — лживы». Не могут же, в самом деле, слова отдельных людей, даже очень авторитетных, быть выше Корана. Никто не вправе претендовать на истину, он лишь может указывать путь к познанию истины.

Фанатизм мазхабов стал «проклятием народов ислама», говорил Габдулла Буби. Ведь сами основатели мазхабов и не думали делить мусульман на школы. Абу Ханифа предупреждал: «Запрещено кому бы то ни было, кто не знает моего доказательства, выносить постановления — фетвы, ссылаясь на мои слова». Он понимал своё место и предназначение, но его последователи не поняли учителя.

Мы до сих пор повторяем, что татары — мусульмане ханифитского толка. В чём смысл этих слов? В том, что мы вслед за Абу Ханифом считаем, что срок беременности два года, или в том, что мы нашли единственный путь к истине и у нас самое верное толкование Корана? Или мы хотим ввести исторический шариат, что немыслимо в светском государстве? Следование какому-то мазхабу означает, если говорить открытым текстом, ни что иное, как наложение рамок на Коран. Но Священная книга шире и глубже всех мазхабов вместе взятых, и каждое новое поколение может черпать из неё новые мысли. Этот процесс бесконечен, как и вечна мудрость Корана...

Великий Саади спрашивал: «Как может спящий разбудить спящего?» Роль ислама в сохранении татарского народа трудно переоценить. В эпоху христианизации язык, культура и религия спасли народ от ассимиляции. Ислам объединял татар в общины и создавал механизмы взаимной поддержки. Он консервировал традиции, и благодаря этому сохранялась этничность. Но к XIX веку перед нашим народом возникла иная задача: не выживать, а развиваться. Консервация не могла решить этой проблемы, она становилась тормозом, и джадидизм помог найти выход.

Движение джадидизма возникло из сравнения отсталого Востока и быстро развивающейся Европы. Джадиды увидели основной выход в современном образовании и открытости к культурным достижениям других народов, они призывали учиться у Европы. Лучшие татарские медресе были джадидскими. Выдающиеся татарские мыслители, писатели, общественные деятели XIX-XX веков вышли именно из этой среды.

Вплоть до начала XX века для татар существовали ограничения — был запрет на ряд профессий, создание светских университетов, существовали ограничения в экономической сфере. Православные пользовались явными преимуществами. Тем не менее, благодаря модернизации ислама, татары стали конкурентоспособными и сделали гигантский скачок в культуре. Не консервация традиций, а именно модернизация ислама укрепила татар.

После столетий застоя Востоку сложно было воспринять идеи джадидизма. Муса Бигиев был вынужден бежать из Советской России, а его труды были осуждены главой османских мусульман как ересь.

Быстро развивающиеся научные школы, современные технологии и техника не оставляют места устаревшим традициям. Порой кажется, что религия и наука существуют параллельно или наука вытесняет религию. На самом деле научное мышление не противостоит исламу, потому что ислам — это вера и знания одновременно, это культура, которая объёмлет и то, и другое. Пророк Мухаммад советовал: «Кто научится сколько-нибудь наукам с целью научить других, тому Бог даёт спасение семидесяти святых».

Некоторые богословы ищут доказательств в Коране новейшим открытиям наук. Действительно, в нём есть строки, подтверждающие теорию расширения Вселенной или делимость атома, но Коран — не энциклопедия конкретных знаний, и он не нуждается в «оправдании» перед лицом новейших открытий. Было бы странным ориентироваться на Коран в вопросах устройства Вселенной или эволюции человека. Там даны самые общие сведения. Функция науки в том и заключается, чтобы представить полную картину мироздания.

Истинный мусульманин — это образованный человек, уважающий и постигающий науки. Пророк Мухаммад сказал: «Приобретение знаний есть главнейшая обязанность мусульманина». Это категорический императив. Некоторые верующие требуют чуда и пророчеств. Но ведь чудо — сама природа. Чудо в возможностях человека, который преодолевает притяжение Земли и совершает полёты в космос. Чудо, что врачи научились после клинической смерти возвращать людей к жизни. Невежество требует чуда, а знание в этом не нуждается. Знание само его порождает. Человеческий гений всего лишь за одно поколение создал технику и технологии, о которых мы в юности читали в фантастических романах.

Весь цивилизованный мир поставил вопросы образования на первое место, и не только на словах, но и на деле. В бюджетах развитых стран первая статья расходов отведена образованию. Может быть, там, а не в Судане, живут истинные мусульмане? Пророк говорил: «Для всего есть свой путь. Путь же в рай открывает знание». Мир стремительно меняется. И пока Восток размышляет о своём предназначении, ругая Европу и Америку, Запад уходит всё дальше в своём развитии.

Где наша Мекка?

Запад излишне рационален, индивидуализирован — так считают на Востоке. Но таково веление времени. Конкуренция требует воспитания развитой личности. То, что отличает XXI век от XX-го, — это приоритет информации. Если символом XX века был конвейер, изобретённый Фордом, то символ новой эпохи — компьютер, Интернет и новые коммуникационные технологии. Знание стало важнейшим производительным ресурсом. Вместе с тем меняется роль человека, для которого главным становится творческое мышление.

Один из реформаторов ислама Гамаль ад-Дин аль-Афгани (1839-1897) был убеждён, что «нужно заимствовать технологии и инструменты современной цивилизации, ограждая интеллект и культуру от влияния рационализма и светских ценностей» (Цит. по: Сухейль Фарах. Христианство и ислам (опыт секуляризации). — Н.Новгород, 1999. С. 73). Если стоять на позиции потребителя, то можно следовать такому принципу, но если пытаться развивать технику и технологии, то не обойтись без рационализма. Характер Запада определяется научно-техническим прогрессом и развитостью общественной жизни. Противопоставлять индивидуализму общинность и коллективизм, отрицать рационализм — значит заведомо обрекать себя на отсталость. Ислам, если он хочет сохранить своё влияние в обществе, должен уметь отвечать на вызовы времени. Дело не в том, чтобы отвернуться от Востока и повернуться лицом к Западу. А в том, чтобы заимствовать всё ценное, что есть в мире. Если сегодня США, европейские и юго-восточные страны бурно развиваются, значит, нужно учиться у них. Туда надо ехать за знаниями.

Многие в мусульманских странах начали просто копировать западные образцы. Муса Бигиев называл это «новым таклидом». Он писал: «Никоим образом неприемлемо приносить в жертву ислам и шариат в угоду фантазиям о якобы “почитании” одного из мазхабов. Другим — может быть, даже более тяжким — пороком, поразившим нашу мысль, является позорный и унижительный неотаклид. Если традиционный таклид представлял собой жертвование шариатом путём преклонения перед священностью мазхабов, то упомянутый современный таклид стал отказом от ислама и принесением в жертву мусульманской уммы на фоне собственного самоунижения, возникшего из-за очарования величием западной цивилизации и её политическими достижениями» (Муса Джаруллах. Мой взгляд на исламский шариат // Иль. — Петербург. 1913. № 3).

Запад не перенесёшь на Восток. Там другая почва. Восток не воспринимает либерализм в чистом виде. Он должен преломить его сквозь собственные традиции. Таклид, будь он восточный или западный, неприемлем, ибо он противоречит духу ислама, а сближает Восток и Запад иджитхад, который есть ни что иное, как начало либерального мышления. Если свободная личность тянется к образованию и наукам, стремится к прогрессу, то это вполне приемлемо как для западной, так и для исламской культуры.

Образ рая, представленный в Коране, во многом наивен, он, конечно же, рассчитан на жителей пустынь, которые мечтают о прохладной тени и орошающих водах. Сказано: «Тех же, которые уверовали и делали добрые дела, Мы введём в сады, орошаемые водами; они будут там вечно, с ними будут там чистые жёны, а над ними — прохладная тень» (4:57). В другом месте сказано: «Верующих и творящих добро Бог введёт в сады, орошаемые водами. Они будут там украшены золотыми и жемчужными браслетами и будут одеты в шёлк» (22:23). На севере орошение не имеет такого большого значения, ибо и без того регулярно идут дожди, а человек, может быть, больше мечтает о солнце, нежели о прохладной тени. Ясно, что Пророк донёс истину на языке, понятном своему народу.

По большому счёту, во многих странах комфорт уже приблизился или даже превзошёл райский, так что для многих коранические райские кущи не так привлекательны, как это было когда-то для араба, водившего караваны по Аравийской пустыне. Трудно сегодня удивить коврами и зелёными подушками, которые ожидают правоверного в раю. Жизнь в райских кущах в разговорах с гуриями нельзя назвать осмысленной. Для цивилизованного человека картина вечности, в которой «будут возлежать, облокотясь, и спрашивать всевозможных плодов и вин»

(38:51), теряет смысл. Господь не мог замыслить такое конечное предназначение для человечества. В Коране нарисована картина для средневековых людей, которых надо было отвратить от языческих идолов, но она не подходит людям развитым и духовно богатым. Человек дела не может мечтать о рае, где будет проводить время в пустых разговорах. Поэтому Господь дал другое определение рая, как возможность иметь то, чего пожелаешь, бесчётные дары в «жилище вечном». «Те же, которые веруют и делают добро, будут в прелестных садах. Господь даст им всё, чего они пожелают. Это великая милость» (42:22). Рай — это духовный мир, наполненный опытом сущего мира.

У каждой страны, каждого народа своя история и своё предназначение. Татары, находясь на границе Запада и Востока не только географически, но и в культурном плане, создали собственную субцивилизацию. В России не действует шариат, и большинство населения составляют православные. Мусульмане должны подстраиваться под этот образ жизни. (Традиционная исламская юриспруденция делит все государства на три типа: «обитель ислама» — где власть принадлежит мусульманам и превалируют исламские законы; «обитель войны» — где государство занимает резко антагонистическую позицию к живущим в нём мусульманам; и «обитель мира» — где мусульмане живут свободно, исполняя нормы и правила своей религии, невзирая на немусульманский характер государства). Российские условия для мусульман не привнесённые и не вынужденные, они родились в этой стране, считают её своей, а не чужой. Эта страна не хуже и не лучше, чем мусульманские государства, она просто другая. Это наша судьба и наше предназначение — выработать опыт праведного пути в этих условиях. Нас не сделать Саудовской Аравией, и мы вряд ли станем христианской Европой. Мы такие, какие есть. Финиковая пальма не растёт на российской почве.

Миллионы мусульман выросли в России с убеждением, что должны жить в светской стране, считаясь с той культурой, которая выработана за многие столетия. Богословы из мусульманских стран не могут нас научить жить, имамы, которые учились в Саудовской Аравии и слепо следуют своим заморским учителям, могут привнести только непонимание и раздор. Они будут призывать к строгому исполнению средневекового шариата, в то время как многие его нормы в принципе не могут исполняться в России.

В сходных условиях находятся мусульмане Европы. Они как островки в христианском мире. Мир становится смешанным, и то, что в Татарстане может быть воспринято как отступление от «чистого» ислама, в будущем для большинства стран станет нормой. Прошла эпоха исламских халифатов. Нет в мире однородности, он становится взаимосвязанным. Никто не может создать изолированную, чисто исламскую среду. И нет нужды стремиться к такому «идеалу», потому что ислам не отрицает христианство или образ жизни других народов, он учит находить с ними общий язык.

Татарстан производит высокотехнологичную продукцию, что требует развития собственных научных школ и системы высшего образования. Мы должны не хуже западных фирм производить вертолёты, грузовики, самолёты, а потому вынуждены вводить стандарты, близкие к европейским, иначе проиграем конкурентам. Ислам у нас неизбежно станет европеизированным. Это будет евроислам. Жизнь заставит. В самом деле, на кого нам ориентироваться? На Судан, Пакистан, Иран, Саудовскую Аравию? Чем более отсталая страна, тем полнее она вводит исторический шариат. Они могут себе позволить такие эксперименты, а для татар отсталость — это путь к вымиранию. Пока что вертолёты и тяжёлые грузовики мусульманские страны покупают в Татарстане, а не наоборот. Как же они нас могут научить стать конкурентоспособными с Западом? Смысл существования народа не в том, чтобы вымирать, будучи правоверными мусульманами, а в том, чтобы найти способы стать передовыми, не теряя исламских корней.

Некоторые современные богословы, понимающие значение прогресса и не пугающиеся влияния Запада, относятся к современной глобализации достаточно терпимо. Например, Фарид Исак пишет: «В то время как одни контролируют мимбар (кафедру проповедника), другие могут использовать в своих целях Интернет и телевидение. И неважно, что сегодня телевидение всё ещё порой объявляет харам (запрещённым): мы знаем, что ещё совсем недавно так же называли и громкоговорители, позволяющие усилить адхан (призыв к молитве). Так что скоро и “дьявольский ящик” будут объявлять благом» (Фарид Исак. Быть мусульманином... С. 340). На первый взгляд, такая позиция выглядит весьма передовой, поскольку сильно отличается от традиционной, но по сути дела в ней уже заложена ущербность — ислам оказывается в хвосте прогресса. Если мы не будем сами изобретать новую технику и технологии, то никогда не ста-

нем благополучным народом. Саудовская Аравия живёт за счёт нефти, а мы можем существовать только за счёт знаний, новых открытий. Мы не можем позволить себе ваххабизм или иные столь же архаичные и радикальные направления ислама.

Современная ситуация такова, что даже при большом желании невозможно жить вне мировых тенденций. Глобализация несёт новые технологии и меняет образ жизни. Нужно найти способ адаптации своей культуры к этим процессам.

В мире происходит также исламская глобализация, которая постепенно захватывает не только Восток, но и Запад. В центре Европы мусульмане стали значительной частью населения. Франция, Германия, Великобритания, Нидерланды, Швейцария и Италия вынуждены считаться с растущей мусульманской общиной. В то же время с юга в Европейский союз стремится попасть Турция, ещё более усиливая в нём исламский элемент.

Западная глобализация вызывает сопротивление в мире, но и исламская глобализация многих пугает. Они соединятся в мировой гармонии или столкнутся — всё зависит от нас самих.

У каждого ищущего человека есть свой путь к истине. У каждого народа своё предназначение. У татар спасение заключено в будущем, а не в прошлом, наш путь к прогрессу начат джадидами, которые, следуя завету Пророка, начали реформу ислама. Мы должны её продолжить, ориентируясь на всё ценное, что выработано человечеством.

Для нас Европа всегда была источником, из которого мы черпали мудрость и знания. Таковой она остаётся и сейчас. Наша задача не в построении заборов, отделяющих татар от других народов, не в замыкании в искусственной этноконфессиональной резервации, а в создании мостиков между разными религиями, между различным пониманием ислама, между исламом и христианством. Наша миссия в распространении взаимопонимания, которое поможет скрепить общими узами всё человечество.

Пророк говорил: «Берите на себя лишь те деяния, которые вы в состоянии выполнять, ибо не надоест Аллаху, пока не надоест вам...» От меня нельзя требовать выполнения всех мусульманских ритуалов, я могу взять на себя только то, что в силах пронести, — постигать науки и помочь людям приблизиться к истине, а Пророк говорил: «Кто научится сколько-нибудь наукам с целью научить других, тому Бог даст спасение семидесяти святых». Моё спасение в содействии взаимопониманию между людьми разных конфессий и культур. Я знаю, что это многим священнослужителям не понравится. Легче жить, когда тебя хвалят, а не ругают. Но ведь сказано: «Будь прям, как тебе повелено». Написав эти размышления, я не хотел кого-либо укорить, не хотел ничего ниспровергнуть. Я всего лишь ищу дорогу к истине. У меня нет сомнения, что следует придерживаться слов Пророка о модернизации ислама. Это главное на сегодняшний день.

Легче всего написанное мною назвать бид'ат. Но надо помнить слова Пророка: «Взгляните на свои ошибки. Это удержит вас от поисков чужих ошибок. Никогда не ищите ошибок в делах других людей, ибо это грешно с вашей стороны — указывать другим на их ошибки, пока не избавитесь вы от своих».

...Ной, когда ему исполнилось 950 лет, со вздохом заметил: — Господи, как коротка жизнь! Человек не успеет родиться, как ему уже приходится умирать! Каждый из нас в Пути, и надо успеть сделать за оставшееся время много неотложных добрых дел.

В ПОИСКАХ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Чем больше религиозные ценности занимают свое достойное место в общественной жизни, тем четче вырисовывается неоднозначность этого процесса. Это вполне естественно, поскольку те количественные изменения, которые в последние пятнадцать лет определяли характер процесса религиозного возрождения, все больше и больше нуждаются в серьезном осмыслении.

В среде различных слоев общества (и среди духовенства, и среди светской интеллигенции) и во властных структурах возрастает озабоченность результатами этого обновления. Действительно, вопрос о том, что мы получили в результате религиозного возрождения, не является праздным.

Духовенство, например, все чаще задается вопросом о догматично-богословском составляющем обновленческих процессов. Какие традиции сегодня возрождаются, имеют ли они отношение к тем традициям, которых придерживались татары вплоть до начала XX века? Стоит ли связывать будущее ислама в Татарстане только традициями ханафитского мазхаба, или сегодня необходимо ориентироваться на иные ценности ислама?

Национальная интеллигенция, в основной своей массе являясь посторонним наблюдателем этих процессов, тем не менее, в последние годы проявляет к ним более живой интерес, чем прежде. Ее, в первую очередь, волнует проблема совместимости национального и религиозного: не станет ли ислам тормозом национального развития, какие его аспекты являются наиболее приемлемыми для судеб народа?

Появившиеся за последние годы публикации в Татарстане дают возможность утверждать о том, что интеллектуальные поиски о судьбах ислама в татарском обществе вышли на новый уровень. Вполне естественная для первых лет религиозного обновления эйфория постепенно заменяется серьезными размышлениями о сущности того ислама, который нужен татарам. Высказываются совершенно разные, подчас противоположные точки зрения. И это вполне естественно, поскольку ни в одном обществе (не только в мусульманском) никогда не было единого мнения по поводу форм проявления, сферы применения и перспектив развития религии.

В татарском обществе в XIX — начале XX в. споры развернулись между представителями кадимизма и джадидизма. Но сегодня ситуация в этой области намного сложнее. До начала XX в. споры велись мусульманской интеллигенцией, которая процессы анализировала изнутри и с позиции ислама и поэтому между ее различными слоями, даже между идеологическими противниками было много точек соприкосновения. Но сегодня татарская интеллигенция идеологически более разнообразна и, в основной своей массе, светская, поэтому отношение к исламу и процессам, происходящим вокруг него, является, по сути дела, взглядом со стороны. Это, безусловно, вносит в эти споры негативный оттенок, поскольку создает массу возможностей для создания искусственных конструкций, которые имеют свою внутреннюю логику, но не всегда учитывают особенности догматико-обрядовой составляющей ислама.

Тем не менее, появление не только отдельных идей, но и целых концептуальных представлений о путях развития ислама в татарском обществе, безусловно, своевременное и положительное явление. Они, по сути дела, создают определенную интеллектуальную среду, в которой идут жаркие споры и поиск сути и оптимальных форм реализации и использования ислама в татарском обществе.

§ 1. «ТАТАРСКИЙ» ИСЛАМ

Понятие «татарский ислам» на страницах научной, особенно научно-популярной литературы встречается довольно часто. Но его содержание практически не раскрывается, под ним просто рассматривается функционирование и развитие ислама в татарском обществе на различных его этапах.

Действительно, мусульманское сообщество у татар, возникшее вдали от основных центров ислама, всегда имело свою специфику, особенно в Российском государстве, когда религия стала не просто образом жизни, но и формой выживания в иноверческой среде, что уже предполагало выполнение не только её догматических принципов, но и использование ислама как некий инструмент выстраивания новых социально-политических отношений. А это, в свою очередь, от ислама требовало мобильности, гибкости и приспособляемости к новым условиям. Для любой религии (в том числе и для ислама), выступавшей как защитница своих догматических основ и функционирующей на принципах консерватизма, иные подходы всегда были неприемлемыми. Поэтому перед обществом часто стояла дилемма: развитие или сохранение традиционных основ, зиждущихся на религиозных канонах. Мусульманское реформаторство начиная с конца XVIII в. пыталось решать эту проблему, предлагая пути преобразования общества через переосмысление некоторых канонических основ ислама и через освобождение от поздних наслоений. Но реформаторские тенденции, как показывает история Запада и Востока, создают только определенные предпосылки для дальнейших политических решений. Так, на Западе Реформация предшествовала возникновению светского государства. А на Востоке мусульманское реформаторство осталось, по сути дела, формой интеллектуального поиска определенной части мыслящего духовенства, не привносящих в общественно-политическую жизнь мусульман серьезных изменений.

В последние годы, в связи с религиозным возрождением проблема «татарского» ислама вновь приобрела актуальность. Правда, принципиально новых подходов не наблюдается. Но, тем не менее, можно выделить ряд подходов, которые, несмотря на свою спорность, представляют особый интерес. Среди публикаций последних лет особо следует выделить книгу Рашата Сафина «Татар юлы» («Татарский путь»), одного из известных представителей татарского национального движения в 1990-е годы.

Р. Сафин, еще будучи активным участником ВТОЦ, неоднократно обращался к проблеме «татарского» ислама[1]. В последней книге свое видение этой проблемы он рассматривает в контексте геополитики татарского народа. Хотя и в условиях выстраивания жесткой вертикали власти в России в современных условиях, весьма проблематично говорить о геополитике отдельного народа, тем более татар, тем не менее, точка зрения Р. Сафина представляет значительный интерес.

Выстраивая концепцию геополитического развития татар, Р. Сафин обращает внимание, что «многие, особенно в последние годы, в поисках татарской национальной идеи, обращаются к исламу. Это, действительно идея, важная не только для определения современного состояния и ближайшего будущего, но и в третьем тысячелетии, и даже в более последующие этапы развития»[2].

Р. Сафина в первую очередь интересует сущность и формы проявления того ислама, который способен формировать самостоятельную геополитику татар. Он уверен в том, что у татар формировался и функционировал именно тот ислам, который способствовал их развитию на различных этапах истории народа. Этому, в первую очередь, способствовало то, что ислам «ближе к талассократии»[3]. Поэтому он пришел по душе волжским булгарам с их талассократическим менталитетом и они приняли ислам добровольно»[4]. А предки русских из-за своей теллурократической природы, его (ислам — Р.М.) не приняли, отдали предпочтение православию, с его континентально-имперской сущностью.

Как утверждает Р. Сафин, дело даже не в том, что предки современных татар добровольно приняли ислам, а в том, что именно в этом регионе эта религия нашла себе благодатную почву для проявления своей талассократической сущности. По его утверждению, история ислама очень наглядно показывает, что теллурократические тенденции в мусульманских государствах всегда вели к их ослаблению. «Потому что стремление теллуократии — это расширение пространства, создание империи, а в достижение этих целей основной источник и опора — сила. А для мусульманина в подчинении кроме Аллаха нет иного существа и иной силы... Ислам — демократическая религия: он освобождает человека от подчинения начальству или другим (скажем, духовенству) и ему дает полное “право” жить своим умом... В основе теллуократии лежит грубая сила, а в центре учения ислама — разум. Первая — подчинение человека обществу, государству, правителям, чиновникам, а второй — свобода личности, общественный порядок, основанный на естественности, либерализме. В первой форму организации и содержания общества представляет имперский порядок, а во втором — свободное объединение, т.е. демократия»[5].

В связи с этим Р. Сафин утверждает, что «попытки возродить империю, используя ислам бесполезны, ислам “не служит” имперским силам (что мы видим на примере Османской империи)». Поэтому сегодня «арабский ислам, формировавшийся под влиянием Земной (Пустынной) стихии не сможет широко развернуться на Планетарном Большом Пространстве. Здесь первенство будет за татарским исламом, в основе которого лежит джадидизм»[6]. Это, в свою очередь, в ближайшем будущем внесет коррективы и в стратегические цели основных мировых держав, в первую очередь, США: «Американская геостратегия применительно к тюркским народам в сфере тюркизма и исламизма ведущей силой сегодня считает Турцию. Но это ненадолго. Поскольку талассократический взгляд там (в Турции — *Р.М.*) распространен только среди элиты, а среди широких слоев простых людей остаются приверженцами теллуократическимперского взгляда. Рано или поздно, во главе тюркизма и исламизма встанет Большой Татарстан с его истинно *gimland* (т.е. талассократической) психологией»[7].

В этой связи, Р. Сафин утверждает, что вполне можно утверждать о «татарском» исламе. При этом он исходит, во-первых, из того, что в исламе и среди его мазхабов есть проявление «геополитического дуализма» и поэтому татарам нет необходимости следовать за кем-либо, «у него должен быть свой ислам»[8]. Во-вторых, понятие «татарский ислам» по Р. Сафину не сводится к пониманию ислама как совокупности обрядов и ритуалов. Если воспринимать ислам на этом уровне, можно согласиться с мнением «о едином пути ислама». Но если мы хотим себя видеть и представить составной частью исламской цивилизации, недостаточно выполнение ритуалов. Нам необходимо задуматься о своем вкладе в эту и через нее в общечеловеческую цивилизацию. Без этого нам нет места на мировой арене, без этого нас ожидает замена русификации арабизацией»[9].

«Татарское» восприятие ислама Р. Сафин связывает с созданием национальной философии, способной дать ответы на вопросы, возникшие в процессе функционирования национального бытия. «Иначе в условиях, когда основная часть нации имеет четкое представление о мировых достижениях, невозможно духовное обновление. Интеллигенция не может принять ислам только на уровне ритуалов-обрядов». Значит, без интеллектуальных поисков, «татары не смогут формироваться и сохранять себя как единая нация»[10]. Эта проблема, как считает Р. Сафин, была понята и, в какой-то степени, снята дореволюционной татарской интеллигенцией. «Джадиды, поняв сущность проблемы, организовали “татаризацию” ислама и в этой области достигли значительных успехов»[11]. Р. Сафин пытался ответить и на тот сложный вопрос, который возникает в связи с использованием понятия «татарский» ислам: характерные черты этого феномена и формы его проявления. Он задается вопросом: «Чем отличается татарский ислам от общего ислама?»[12] Признавая неуместность такой постановки проблемы в выявлении богословских основ ислама, он считает, что такой вопрос вполне логичен. Но между тем, Р. Сафин утверждает, что «татарский» ислам ничем не отличается от общего ислама, поскольку последний является лишь формой арабизированного ислама[13]. «Татарский ислам — это приобретение исламом своей сущности. Восточный ислам теллуократическими политическими силами был “очернен” в своих интересах, а джадидизм его «очистил, вернув его талассократическую сущность. Традиция арабо-турецкого ислама, абсолютизируя подчинение души человека божественным силам, ...исходит из принципа беспрекословного подчинения современным правителям, пришедшим к власти якобы по воле Аллаха. А “татарский” ислам отделяет политику от Корана»[14]. А это, как утверждает Р. Сафин означает, что «Аллах устанавливает Глобальные Законы и через них правит Вселенной, а жизнь на Земле передает Человеку. Чтобы он действовал верно, Аллах дал ему Разум и ниспослал Коран. Человек на Земле имеет полную свободу. Есть только две силы, способные ограничить его действия: утвержденные Аллахом и ниспосланные ему (человеку — *Р.М.*) через Коран законы природы и данные ему Аллахом разум. Коран дает возможность человеку размышлять и выбирать форму существования не выходя за пределы законов природы»[15].

В начале в XX в. в татарской общественной мысли взяли верх идеи джадидизма, в которых господствовали рациональные представления, что, по утверждению Р. Сафина, дало возможность татарам следовать выше отмеченным принципам. Правда, в современных условиях «к нам возвращается иррациональный ислам... Но иррациональные представления не вмещаются в рамки ислама. Философия ислама основана на разуме. У наших прадедов, следовавших хан-фитскому мазхабу, господствовало рациональное понимание понятия “дух”»[16].

Такой подход к «татарскому» исламу Р. Сафину дает возможность делать свои геополитические выводы: «Для нас было бы политической ошибкой ориентироваться на мусульманские страны только из-за того, что они являются представителями исламской цивилизации. Необходимо действовать со знанием геополитических ориентаций мусульманских стран»[17]. А это, в свою очередь, предполагает, что «мусульманские страны для татар не могут быть основными союзниками... Если мы хотим играть самостоятельную роль в геополитике (без этого шанс выживания татар очень низок), с учетом того, что мусульманские страны по отношению к нам выполняют только функции посредников, отношения необходимо налаживать непосредственно с США — Израилем. Мы должны стать интеллектуальным центром исламского мира на пространствах Евразии, показать образец современного порядка мироздания, основанного на принципах ислама (то, что у нас называется джадидизмом, а на Западе — евроисламом) и сыграть активную самостоятельную роль в установлении Нового Мирового Порядка»[18].

Как видим, Р. Сафин проблему «татарского» ислама трактует по-своему, утверждая, что именно у татар ислам сохранил и проявил свой истинно рационалистический дух и не превратился в идеологическое обоснование существования империй. Он, не находя во всем мусульманском Востоке адекватно отражающих сущность ислама политических систем, апеллирует к татарам, сохранившим интеллектуальный заряд ислама. Такой подход к исламу Р. Сафину дает возможность выстроить геополитическую конструкцию для татар, которая полностью нацелена на Запад. Постановка проблемы в таком контексте не может не вызвать ряд вопросов. Рационалистический дух «татарского» ислама, проявившего себя в джадидизме, если даже его принять в интерпретации Р. Сафина, не может (и не должен) татар вывести за пределы исламской цивилизации. Не получается ли так, что геополитические поиски татар, нацеленные на выявление своего места в мировой истории, по сути дела, напрямую ведут к западной цивилизации?

§ 2. ЕВРОИСЛАМ

Проблема модернизации общества и вовлечение в этот процесс религии или, по крайней мере, добиваться того, чтобы она не стала тормозом, была всегда актуальной. На рубеже XX–XXI вв. эта проблема для мусульманского общества приобрела еще большую значимость. Модернизация общества — это, в первую очередь, внедрение в общество материальных атрибутов современной жизни, проникновение в него новых идей, новой системы экономического устройства или образования, это определенный образ мышления, образ существования в современном мире и отношение к переменам. Если ее проецировать на духовную жизнь, то это процесс, характеризующий общество, всерьез озабоченное тем, как человек делает выбор, будь то нравственный, личный, экономический или политический. Для современных людей модернизация — это проблема рационального выбора, который предполагает взвешивание альтернатив, право сомнения в эффективности принятых решений. Модернизация возвела сомнение в норму, поскольку свобода выбора и право на сомнение невозможны без рациональной дискуссии и полемики. На Западе концептуальные основы решения этой проблемы были заложены еще во времена Реформации. Именно реформаторы выдвинули на первый план индивидуальную веру, положили начало свободному исследованию и истолкованию Священного Писания и церковной истории, узаконили плюрализм религиозных позиций. Отказ от авторитета Церковного Предания и строго иерархических церковных институтов, ставка на силы и способности свободного богословского разума индивида в Европе создали предпосылки для распространения либеральных ценностей и общество определило приоритеты своего политического развития, освобождая эту сферу от влияния религии, ограничивая сферу ее функционирования в основном областью личностного восприятия и индивидуальной веры.

Но в исламском мире этого не произошло. Одним из важнейших факторов, определяющих жизнь современного мусульманского сообщества, является острое осознание той ситуации, в которой оно оказалось. Исламская цивилизация, занимавшая некогда лидирующее положение в мире, превратилась в отсталый, бессильный и маргинализированный регион. Причин тому много. Это и внешние факторы, связанные с многочисленными войнами, изменениями в мировых торговых путях, созданием колониальной системы и т.д. Среди внутренних факторов сегодня чаще называют моральный и духовный упадок самих мусульманских обществ, угасание исламской интеллектуальной силы и творческой мысли в теологии, философии и науке, непри-

ятие научных и технологических достижений Запада. Поэтому современному мусульманину приходится жить в мучительном разрыве со своим славным прошлым и настоятельными требованиями современной жизни. Разрыв с прошлым невозможен, поскольку в нем заключены все его верования и убеждения, но он не знает пути возвращения себе этого прошлого и включения его в современный мир. Он задается вопросом: возможно ли возродить прошлое в совершенно новых условиях и как это сделать? Не находя ответа на этот вопрос, мусульманин вынужден жить двойственной жизнью: сохранять верность традициям, но одновременно не следовать все принципам, которые диктует такая верность. По сути дела, религия и повседневность вступают в противоречие друг с другом.

Реформаторские поиски в мусульманском обществе среди интеллектуалов получили довольно широкое распространение. Они все пытались ответить на вопрос: может ли человек, живущий в современном мире, оставаться благочестивым мусульманином? Основные подходы к этой проблеме были обозначены следующим образом: ислам должен остаться нравственной основой современного развивающегося общества. Но это не означает одобрения всего, что свершается во имя модернизации. Ислам должен оставаться сдерживающей силой, а само мусульманское общество — строить свою жизнь по велениям Аллаха и руководствуясь при этом своим разумом, принимать то, что соответствует современности, в том числе и научные достижения Запада.

Такой подход открывает новые возможности для реформирования мусульманского общества, но между тем многие вопросы остаются без ответа: именно по каким велениям ислама должно жить общество, какие европейские идеи приемлемы для мусульман и т.д.?

В этой связи обращение современных интеллектуалов к проблеме модернизации мусульманского общества и реформирования самого ислама является вполне объяснимым. Одной из форм интеллектуальных поисков в этой сфере является «евроислам», получивший довольно широкую огласку на страницах средств массовой информации в последнее десятилетие. Это понятие вызвало ожесточенные споры, появились его ярые противники и сторонники. Правда, предмет спора также не был обозначен четко. Каждый вкладывал в это понятие свой смысл. Многие мусульмане изначально отвергают это понятие, считая, что оно противоречит основным положениям «истинного ислама», хотя и многие из них истинность ислама так же воспринимают по-разному. Эту точку зрения четко сформулировал Мехмет Сейхун, представитель турецко-исламского союза религиозных учреждений в Германии: «Ислам очень динамичен. Конечно, суры Корана неизменны, но их толкование и интерпретация постоянно развиваются. Поэтому я опасаясь, что если мы начнем вводить региональные различия, например, “евроислам”, то это ограничит развитие. Я предлагаю отказаться от понятия “евроислам”, оно ничего не дает ни исламу, ни европейцам»[19]. Фарук Сен, директор Центра по изучению Турции в Германии свои сомнения в целесообразности использования этого понятия сформулировал следующим образом: «Если “евроислам” уже существует или сложится в будущем, то основными его характеристиками будут отказ от законов шариата, верность конституции страны проживания и признание прав человека и демократических норм»[20]. Поэтому не теряется ли смысл использования этого понятия, если он приобретает светское содержание и, по сути дела, отказывается от законов шариата?

Этот вопрос в принципе предназначен для Бассама Тиби, который является сторонником светского ислама. Он считает, что «в частной жизни осевший в Европе мусульманин может сохранять свою религию как “абсолютное верование”, но в сфере общественной жизни такая точка зрения не может быть принята светской демократией, так как она противоречит политическому и религиозно-культурному плюрализму и даже угрожает ему»[21]. По его мнению, мусульмане Европы, пока «вместо того, чтобы стремиться к реформам в своей религии, ...оказываются в конфликте с Европой и ее светской идентичностью»[22]. Конечно, «европейцы не могут и не должны менять мир ислама, но ислам как политическая религия в диаспоре касается их напрямую, и в этом случае они должны сказать свое слово и требовать реформирования ислама»[23].

Одним из идеологов ислама в Европе и духовным лидером европейских мусульман можно считать Тарика Рамадана. Его позиция принципиально отличается от представлений Б. Тиби о «евроисламе». Основной тезис Т. Рамадана заключается в том, что европейские мусульмане не должны замыкаться в своих гетто. Рожденные в Европе, они должны получать европейское образование и активно участвовать в общественно-политической жизни, чтобы содействовать

распространению ислама»[24]. Правда, такая открытость несет в себе определенную опасность и может привести к размыванию основ ислама. На это Т. Рамадан отвечает, что необходимо отличать историческую национальную культуру от вечной и незыблемой религии: «Арабская культура — это еще не культура Ислама. Не бойтесь перестать быть арабами, бойтесь перестать быть мусульманами! Я — европеец, но я — мусульманин»[25]. Считая себя приверженцем «реформаторской» традиции, он убежден в том, что «можно быть одновременно и хорошим мусульманином и хорошим европейцем»[26]. А для этого «необходимо лучше знать европейскую конституционность и законность и параллельно работать над адаптацией источников ислама. Благодаря этому, мы поймем, что мусульманское право практически не сталкивается с принципами правового государства. Моменты несогласия единичны»[27]. Чтобы появился ислам, адаптированный к европейской действительности, по утверждению Т. Рамадана, необходимо признание европейцами ислама как части их культуры, а не только как следствие эмиграции[28].

В России «евроислам» концептуально разработан Рафаэлем Хакимовым. Как было со всеми религиозно-реформаторскими идеями, его публикации по проблемам «евроислама» получили неоднозначную оценку. Совершенно прав известный исламовед А. Малашенко, утверждая, что «положение мусульманских модернистов или реформаторов... очень сложное. Зачастую они воспринимаются в обществе как ренегаты, как люди, посягающие на незыблемость Традиции... Однако представить себе исламскую идеологию немодернистского направления уже невозможно. Как невозможно вообразить модернизацию мусульманского общества без рационализации религиозных установок. Процесс этот болезненный и небыстрый. Но модернизм становится все более и более востребованным»[29].

Проблемы, поднятые Р. Хакимовым в его книге «Где наша Мекка?» (Казань, 2003), названной манифестом евроислама, являются, действительно, актуальными. Они сформулированы в русле тех аспектов исламского возрождения, которые сегодня являются наиболее насущными: «Каким образом ислам может помочь... народу стать передовой нацией?... Ислам должен указать путь прогресса»[30]. Также нельзя не заметить, что «евроислам» уже образовал небольшой сегмент исламского интеллектуального и политического спектра Татарстана и России.

«Евроислам», будучи одной из форм мусульманского модернизма, признает ценности демократии, прав человека, плюрализма и гражданского общества как в полной мере совместимые с исламом, которому изначально был присущ «мультикультурализм». Главная задача, которая сформулирована в книге Р. Хакимова — это переинтерпретация священных текстов с тем, чтобы выработать понимание ислама, совместимое с большинством современных социальных и политических ценностей. Ключевым инструментом в достижении такой цели является иджтихад, который «позволяет учитывать эволюцию общества, предлагая современное толкование исламских норм, исходя из духа Корана»[31].

Р. Хакимов убежден в том, что сегодня исламскому миру предстоит дать ответ на практические социально-экономические вопросы. Прежде всего, предстоит определиться в отношении тех основных кризисных зон мусульманского мира, которые его лишают мобильности и перспектив развития: отсутствие политических свобод, что препятствует использованию человеческого потенциала и проведению реформ; недопустимо низкий уровень образования населения, делающий невозможным адаптацию к условиям современного мира; низкий социальный статус женщины. Мусульманам, как считает Р. Хакимов, необходимо определиться и с тем, отвергают ли они западные политические и иные ценности как таковые только потому, что они являются западными по своему происхождению: «Мир стремительно меняется. И пока Восток размышляет о своем предназначении, ругая Европу и Америку, Запад уходит все дальше в своем развитии... Запад излишне национален, индивидуализирован — так считают на Востоке. Но это нельзя ставить в упрек, это объективная ситуация. Таково веление времени. Конкуренция требует воспитания развитой личности. Массовостью и коллективизмом сегодня трудно добиться чего-либо выдающегося»[32].

Дело, конечно, «не в том, чтобы отвернуться от Востока и повернуться лицом к Западу. А в том, чтобы заимствовать все ценное, что есть в мире... Запад не перенесешь на Восток. Там другая почва. Восток не воспринимает либерализм в чистом виде. Он должен преломить его сквозь собственные традиции... Сближает Восток и Запад иджтихад, который есть не что иное, как начало либерального мышления»[33]. Правда, Р. Хакимов оптимистически утверждает, что «мир становится единым поликультурным сообществом, выработавшим международное пра-

во. Он становится уммой, не чисто мусульманской, но единой, по крайней мере, в вопросах войны и мира, защиты прав человека и интересов государств... Система сдержек в мире в виде международных организаций, взаимных договоренностей и создает мировую умму»[34]. Это новое сообщество «несет с собой совершенно новые требования к человеку и обществу. Роль личности в отдельных странах и отдельных народов неизмеримо выросла. Они стали самооценностью и не могут быть растворены в мусульманской общине»[35] и «личность сама стала равной общине»[36]. Так что же делать мусульманину в этой мировой умме, отлучившей его от своей общины? На индивидуальном уровне эта модернизация не будет ли способствовать порождению ощущения отчужденности? Разрыв традиционных связей и социальных отношений не приведет ли к кризису идентичности? Кажется, Р. Хакимов в этих, принципиально новых для мусульманина отношениях ничего опасного не видит. Так, не означает ли это, что он солидарен с мнением Р. Пайпс, который утверждает, что «...у мусульман остается единственный выбор, потому что модернизация требует вестернизации...

Ислам не предлагал никакого альтернативного пути модернизации... Чтобы перенять уроки западной цивилизации, необходимо признать ее превосходство... Только когда мусульмане окончательно примут западную модель во всех деталях, они смогут провести индустриализацию и затем развиваться»[37]. Можно ли согласиться с утверждением Р. Хакимова о том, что «богословы боятся модернизации ислама, боятся рационализма, якобы исключаящего веру»?[38]. Я думаю, что основная часть богословов, действительно, боятся модернизации ислама, но они признают необходимость модернизации мусульманского общества и выступают против вестернизации. Тем более «не-западные общества могут модернизироваться и уже сделали это, не отказываясь от своих родных культур и не перенимая оптом все западные ценности, института и практический опыт... Модернизация, напротив, усиливает эти культуры и сокращает относительное влияние Запада. На фундаментальном уровне мир становится более современным и менее западным»[39]. Действительно, многим казалось, что модернизация сделает культурное разнообразие неприемлемым, а то и вовсе бессмысленным. Переход от традиционного общества к современному виделся необратимым и неизбежным. В контексте глобализационных процессов выяснилось, что эти подходы и установки, казавшиеся самоочевидными, оказались не совсем убедительными. В остальном мире столь ожидаемый переход от традиции к современности так и не состоялся. Не завершился он и на Западе. По всему миру традиция продолжает оказывать активное влияние на модернизационные процессы и, соответственно, сама модернизация нередко принимает формы культурных традиций.

Так что же делать мусульманскому миру со своими многовековыми традициями, являющимися, по сути дела, самим исламом? Действительно, «величие культуры в прошлом не является аргументом в XXI веке»[40]. Но «вся восточная культура» не может быть «малопригодной в хозяйстве»[41] хотя бы потому, что она является основой этого «хозяйства».

Выход из создавшегося положения в мусульманском мире Р. Хакимов видит в необходимости возможного воспроизведения в мусульманском сообществе той эволюции, которую проделала религия в западном мире, где каждый индивид самостоятельно выбирает наиболее подходящую для себя систему верований. Что является необходимым для этого? Нужно признание того, что:

1. «Человек вмешивается в ход истории и в этом смысле творит ее. Истина — не застывший абсолюте, она зависит от нас»[42].

2. «Коран несет в себе печать той культуры и того народа, которому он был ниспослан... Ряд предписаний Корана сформулированы очень жестко, в категоричной форме, но порой они не применимы в специфических условиях... Нельзя его читать буквально, так, будто Пророк живет в XXI веке, нельзя навязывать термины, выработанные в VII веке, нашему обществу... Коран был ниспослан арабом... по поводу конкретных событий»[43].

3. «Сегодня бессмысленно говорить об иджме (консенсусе) в рамках мусульманской уммы»[44].

4. «Для татар внешние зримые признаки мусульманина перестали быть ценностью. Ислам стал скорее частью культуры»[45].

5. «Многие запреты и ритуалы потеряли свою значимость в XXI веке... Обряды даны, чтобы облегчать жизнь человека, а не усложнять ее... Ритуалы и обряды вытекают из веры, а не определяют ее. Они вторичны»[46].

6. «Обращение к Корану и Сунне фактически отрицает какой-либо мазхаб... За страстной защитой мазхабов и в целом принципа таклида, а также иджмы стоит простая мысль — любой мусульманин, не рассуждая, должен следовать за учителем... Следование какому-то мазхабу начинается... ни что иное, как наложение рамок на Коран»[47].

7. «...исторический шариат по вопросам прав женщин не может быть применен к сегодняшнему дню... Одно из предназначений ислама состоит в том, чтобы мир сделать более справедливым».

Таким образом, мы видим, что Р. Хакимов подчеркивает необходимость действовать рационально и признавать идеи, продиктованные разумом; исламское общество снова встанет на путь прогресса, если признает эти идеи. Он также столкнулся с вечным вопросом: общество сможет себя реформировать, если вновь обратится к истине ислама. Но что такое «истинный» ислам и кто должен определять и переосмысливать его положения? Для Р. Хакимова ислам — это вера в трансцендентного Бога, который «проявляет себя во Вселенной, .. воплощается в земной жизни и, конечно же, в самом человеке»[48], а так же вера в человеческий разум, поскольку «ислам — религия свободного человека, это путь к свободе»[49]. Вера для него — это свободный выбор личности, сделанный без насилия над разумом. В этом Бог дал человеку полную свободу, поскольку Пророк говорил: «Весь мир сотворен местом молитвы». «Любой может найти место для общения с Господом — в углу дома или кабинета или даже за компьютером, занимаясь науками. Каждый волен сам определять свое отношение к Господу.. По смыслу Корана правоверный не может быть рабом Аллаха, потому что у него была свобода выбора, он сам сделал этот выбор, и он сознательно поклоняется, служит этому делу, исповедует исламские заповеди»[50].

Как видим, Р. Хакимов предлагает обновить религиозные представления, в которых видит решение проблем человека постмодернистской эпохи. Он довольно скептически оценив общую ситуацию в мусульманском мире, рисует оптимистическую картину ислама в татарском обществе, в котором мусульмане, именно благодаря евроисламу, способны осмыслить современный мир и найти в нем свое место.

Совместим ли ислам с демократией, способен ли он стать двигателем модернизации общества? У Р. Хакимова на этот счет нет каких-либо сомнений. Но не выбираем ли мы опасный и скользкий путь, загоняя ислам в рамки его индивидуального восприятия? Не разрушаем ли мы его как систему, как мировоззренческую установку со своими устоявшимися принципами, признавая в исламе только рациональное, утверждая, что «ислам и прогресс — синонимы»?[51] На этот вопрос «евроислам» четкого ответа не дает.

Тем не менее, появление «евроислама» вполне своевременно. Поскольку модернизация мусульманского общества стала проблемой глобального масштаба. Она коснулась всех без исключения. А между тем, ислам сегодня не имеет собственной политической или экономической программы, это, скорее всего, проводник определенных настроений, чем конкретный набор существенных предложений. В политическом смысле ислам — это возглас протеста против условий существования, это поиск социальной справедливости, хотя ислам в последние столетия не предложил никаких идеологических средств для изменения окружающей социальной реальности.

Но как выстраивать стратегическую линию модернизации мусульманского общества? Путем кардинального пересмотра основ самого ислама, как предлагают приверженцы идей «евроислама» или через его дифференциацию и «автономизацию» от политической и экономической сферы? Дело в том, что сколько бы мы не реформировали ислам изнутри, если не видоизменять доминирующие традиции в политической культуре мусульманских стран и народов, невозможно будет добиваться нового толкования Ислама, соответствующего модернизму и согласующегося с понятиями политической свободы. Мусульманские общества все еще противостоят этому процессу. Основные традиции в политической культуре мусульманских обществ все еще определяются религиозными методами установления легитимности, что свидетельствует о том, что политическое пространство не дифференцировано и не является автономным по отношению к религиозной сфере. Та традиция ислама, которая сегодня превалирует в мусульманских странах, предлагает всеобъемлющую концепцию общественной жизни. Она, казалось бы, не выдвигает откровенно политических целей, но, между тем, не признает автономности политики. Этот идеологический дискурс, который стремится законсервировать мусульманские общества в дополитической стадии, выражает тысячелетнюю утопию, обращенную к мусульман-

ским массам, стремящимся к такому обществу, которое было бы одновременно эгалитарным и справедливым, однородным и единым. Такой дискурс является помехой устройению политического модернизма в исламских странах, отвергая все понятия личной свободы или гражданства, которые ставят под сомнение коллективистские представления. Ислам, который все больше политизируется, демонстрирует свою неспособность начать процесс секуляризации в социальной сфере, определить место «религиозного» в обществе. Наоборот, сакрализация политического постепенно переросла в политизацию сакрального, по сути дела, загоняя политику в мистическое измерение. Это, безусловно, не означает, что ислам несовместим с модернизмом. Скорее всего, мусульманская философская и политическая мысль еще не переработала исламские тексты таким образом, чтобы отношения веры и разума были отчетливо сформулированы, еще не открыла для себя новую политическую культуру, в которой люди были бы суверенными субъектами, а система права была бы скорее светской, нежели сакральной. Здесь нельзя не вспомнить татарское общество, уже в середине XIX в. выбравшего стратегически правильный путь и к началу XX в. сумевшего создать ту мини модель гражданского общества, необходимость и перспективы которого до сих пор не осознаны в мусульманских странах. Так, где же находится то пространство, где заготовлено место столь необходимого для мусульман модернизма? Этот вопрос, боюсь ошибиться, остается открытым.

§ 3. ИСЛАМ ТРАДИЦИИ

Необходимость модернизации мусульманского общества, кажется, сегодня никем не оспаривается. Но осознание необходимости кардинальных преобразований в различных сферах жизни общества, помимо прочего, требует определения своего отношения к традициям. Это очень важно, когда речь заходит о религиозном модернизме, поскольку для любой религии Традиция если и не является синонимом Священного, то, по крайней мере, неразрывно связана с сакральной сферой культуры. Поэтому она довольно настороженно относится к современной культуре, для которой характерны идеи рефлексии и скептицизма, демифологизации и секуляризации картины мира.

Неизбежен ли традиционализм сегодня? Да, поскольку он является статическим элементом любой религии, придающий ей идентичность, в этом смысле неизбежен и даже необходим. Но функционирование религии не возможно и без ее динамической составляющей — модернизма.

Модернизм объективно отражает необходимость приспособления религии к изменяющейся действительности, поэтому он также неизбежен. Но основой модернизма, по сути дела, являются приоритеты индивидуального религиозного опыта, своих переживаний и чувств над жестко регламентированной традицией. В контексте модернизма вера принимает глубоко индивидуализированный характер, что, в свою очередь, приводит к различению веры и религии. Если вера понимается как нечто внутреннее, присущее человеческой природе, то религия оценивается как внешний, преходящий, необязательный комплекс идей и ритуалов. Другим следствием религиозного модернизма является обмирщение теологии, когда акценты смещаются от трансцендентного (Бога) в сторону имманентного (мира и человека). Идеалом модернизма является «автономный человек», сумевший отказаться от авторитета традиции и сам выстраивающий отношения с Богом и с миром. Но модернизм, по сути дела, разрушает традицию, зачастую ставит под сомнение нравственные основания общества, тем самым порождая почву для фундаментализма.

В условиях реисламизации обращение к традиционным духовным ценностям общества и попытки их возрождения является вполне объяснимым. Не столько потому, что традиционализм в современном российском обществе не исключен из основного идеологического дискурса, а сколько из-за того, что без осмысления традиционных ценностей любые преобразования теряют смысл.

Современное татарское мусульманское духовенство в основной своей массе выступает сторонником возвращения в общество традиционных религиозных ценностей. Но религиозные деятели характер и формы проявления этих традиций у татар и пути их возрождения в современных условиях представляют довольно туманно[52]. Правда, в последние годы появились публикации, которые наглядно показывают некоторые направления интеллектуальных поисков мусульманского духовенства. Среди них особое место занимают книги и статьи Валиуллы Якупова, заместителя муфтия ДУМ РТ. Его публикации пронизаны духом антимодернизма. Но

это не огульное отрицание необходимости преобразований, в том числе и в духовной сфере, а продуманная, концептуально выверенная точка зрения, нацеленная на определение места религиозной Традиции в современном обществе. Его традиционализм не носит радикально-анти-прогрессистский характер, это методология, очень напоминающая учение Рене Генона, исходящая из существования изначальной Традиции ислама у татар, которая транслировалась через особые институты. Для В.Якупова Традиция не просто стремление возродить религиозные установления и институты, но и знание, имеющее сакральное происхождение, интеллектуальная доктрина, принципы, без соблюдения которых невозможно нормальное существование человека и общества.

В.Якупов посвятил ряд публикаций раскрытию непреходящих ценностей Традиции «татарского» ислама, критике религиозных реформаторов, которые ориентированы «лишь на адаптацию и упрощение идей западной культуры. Из-за этого, видимо, такое пристрастие к реформам в духе джадидизма»[53].

Критикуя реформаторов ислама В.Якупов, обратил внимание, что «проблема все же не в татарском Исламе. Выбор наших предков, безусловно, был верный и истинный. Проблема в отношении к нашим предкам. Проблема в том, что некоторые их потомки настолько рафинировались, получили такое западно-протестантское воспитание, что считают принятие нерезформированного Ислама неприличным (хотя до сих пор непонятно, а что в нем плохого, что собственно, надо менять? В чем нужен иджтихад?) А ведь можно просто уважать выбор предков, придерживаться ханафитского, обычного Ислама, который уже никак не мешает никому быть современным»[54]. Тем более, по утверждению В.Якупова, «реформаторами движет свое понимание проблемы, восхищение протестантизмом, реформами, хотя они не берут на себя труд задуматься, а хороши ли они, полезны ли, как соотносятся с нашим этносом? Та необходимость реформ, к которой они относятся с доверием, действительно заслуживает ли доверия? Не является ли это суеверием и предрассудком, перетекшими к нам с западной научной методологией?»[55] Между тем, «абсолютно не соответствует современности императивность реформирования всего и вся. Западная наука уже давно отказалась от рассудочного конструирования системы полярных “прогрессивных” и “реакционных” традиций, которыми отмеривается исторический опыт. На Западе саму традицию и традиционность считают способной быть прогрессивной. Тем более, это относится к ханафитскому мазхабу, самому либеральному и легко согласовывающемуся с любой исторической эпохой»[56].

Для осмысления Традиций и определения путей их возрождения В.Якупов очень важным считает «преодоление европоцентризма в познании реальности, формирование уважения к собственному народу, его достижениям»[57]. Это, в свою очередь, предполагает выработку нового методологического подхода в оценках ценностей ислама. Дело в том, что татарская светская интеллигенция, являющаяся приверженцами реформаторских идей, как считает В.Якупов, думает, «что Ислам — аналогичная христианству религия с наличием такой же схоластики, как и в христианстве. На самом же деле такой схожести не было»[58]. В исламе «всегда был культ науки, культ учености. ...Ислам никогда не конкурировал с наукой и уж тем более не боролся с ней, как это было в христианстве... Ислам — это вера, обращенная к знанию и науке... В исламе нет необходимости приводить свою теологию в соответствие с достижениями науки»[59]. Поэтому «рассматривать все явления мусульманской жизни в искусственных терминах реформы-консервации Ислама, джадидизма-кадимизма непродуктивно... Возврат к своей природе, по сути, не является ни реформой, ни консервацией, ни джадидизмом, ни кадимизмом»[60]. В связи с этим В.Якупов отмечает, что «при разговорах о реформировании Ислама, к сожалению, споры ведутся вокруг терминологии, а не сути проблемы... Религия Ислам, имеющая в Слове Божиим, по сути не менялась, а имела свою историю во времени... Феномен религии в совокупности — это творчество не человека, а Бога... В этой связи самонадеянными выглядят люди, хотящие “реформировать” Ислам»[61].

Реформы, конечно, предполагают новое понимание Ислама, «толкование священных Божественных текстов... Если же покушаться на сами тексты, то этот поступок выводит инициатора из Ислама... Чтобы быть... реформатором Ислама не надо забывать об этой простой вещи — надо сохранить себя внутри Ислама, а не выбежать за его рамки»[62].

Какой Ислам сегодня должен стать основой мусульманского возрождения в современном Татарстане? Можно ли реформировать те религиозные ценности, которые находятся на стадии формирования и определения своих институциональных и базисных основ? На эти вопросы

В.Якупов отвечает однозначно: «Это традиционный (мазхабический) Ислам, как раз не подвергшийся изменению. Ислам прошедший проверку временем»[63]. Именно татары, по утверждению В.Якупова, сохранили ханафитские традиции «в наиболее чистом виде без всяких изменений (реформ)... смогли донести до современности чистый пророческий Ислам, не искаженный ересями позднейших времен»[64].

Именно этот мазхабический ислам, по утверждению В.Якупова, способствовал сохранению и некоторых этнических особенностей татар, учитывая местные обычаи и включая их в источники шариата «наряду с Кораном, Сунной, Кыясом и т.д.»[65] Ханафитский мазхаб способствовал сохранению истины и чистоты «Ислама в условиях жестокой многовековой христианской оккупации и насильственного крещения» и стал базисной основой «татарского» ислама, «что делает его настолько устойчивым и несмотря на отдаленность от центров Исламской цивилизации близким к пророческому идеалу»[66].

Именно в рамках ханафитского мазхаба, по утверждению В.Якупова, татары сумели проявить свои интеллектуально-познавательные и национально-психологические особенности. Характерная именно татарам высокая «степень приверженности логике, широта и глубина абстрагирования»[67] могла формироваться только в рамках этого мазхаба. Поэтому и сегодня необходимо использовать это огромное преимущество татар в интеллектуальном осмыслении ислама[68].

Одной из принципиальных проблем возрождения ислама В.Якупов считает сохранение системы мазхабов, в которой «проявляется сам критический дух Ислама, его плюралистичность»[69]. В классическом исламе мазхаб выполняет консервативные функции. Это очень важно, считает В.Якупов, поскольку именно мазхаб «является необходимым заслоном на пути введения в Ислам непозволительных (необоснованных) новшеств», хотя ислам сам в принципе ориентирован на новации[70]. Но всякое новаторство должно соответствовать божественному измерению Ислама[71].

Мазхаб выступает методологией историко-теологического истолкования Священных текстов, является способом адекватного понимания истории. Именно в ханафитском мазхабе наиболее достоверно зафиксирована духовная доминанта ислама. В этой связи, В.Якупов убедительно показывает отличие научного и религиозного познания и специфику религиозного знания: «... наука — это создание человеческого разума, это все же плод деятельности человека, поэтому нельзя религиозный феномен сводить только к науке. Ислам, имеющий божественную основу, несводим лишь к науке, он гораздо масштабнее ее»[72]. Если научное познание нацелено на выявление истины, содержание которой определяется в процессе познавательного процесса, то для религии важно «прочное и надежное, доказанное в своей восходимости к Божественному знание, в котором не было бы никаких поводов сомнений в его истинности... Критерием научности в Исламе является соответствие извлекаемого смысла священного текста мнению самого Пророка»[73]. Мазхаб является преградой буквалистскому толкованию священных текстов. «Любой текст, особенно хадисы, имеют адресный, зачастую очень узкий смысл. Чрезмерное же расширение этих значений за пределы детерминированных Пророком смыслов может довести их просто до абсурда»[74]. Мазхаб систематизирует религиозное знание, отсеивая случайные факты и события, выявляет истинную закономерность Сунны и таким образом определяет основные законы шариата[75]. «Разве можно наивно лелеять надежду, что люди, живущие спустя многие века после Абу Ханифы, могут дать нечто лучшее в понимании основ Ислама? Их ответы могут быть более жесткими, более радикальными, полемичными, даже более красивыми по логике изложения, но самое главное — будут ли они ближе к Пророческому идеалу? Конечно, нет. Вот почему несмотря на истекшие века ханафитский мазхаб не теряет актуальность»[76].

Особое внимание В.Якупова к проблеме мазхабов, действительно, не случайно. Сохранение традиционных мазхабов, по его мнению, способствовало бы решению массы проблем, которые мешают полноценному возвращению ислама в татарское общество. Это и искоренение корней распространяющегося ваххабизма, и заслон радикальному реформаторству, и определение места и значение таких понятий как таклид и иджитхад. Признание мазхабической сущности ислама дает возможность правильно понять содержание таклида как следования мнению религиозных авторитетов прошлого. Таклид по В.Якупову это — «актуализация уже обобщенного и зафиксированного предшественниками знания, заслон нигилистическому отвержению наработанного наукой наследия и самонадеянного умствования»[77]. А абсолютный иджитхад

ныне просто невозможен, поскольку для этого необходимо восстановить контекст «священных текстов, что просто исключено, так как сегодня мы, в отличие от Абу Ханифы, не можем обучаться у сахабов пророческому знанию»[78].

В. Якупов довольно четко выстроил свое видение принципов функционирования «мазхабического» ислама, выявил его корни в татарском обществе, убедительно показал уязвимые места в логических конструкциях религиозных реформаторов современности. Но проблема преодоления отсталости мусульманского мира, все-таки им практически не рассмотрена. Правда, в своих публикациях он и не ставил такой цели. Но, тем не менее, соответствующие выводы напрашиваются. Тем более, он считает, что «татарский» ислам, особенно его духовность «давно уже переросла себя и те рамки провинциализма, в которых она пока замкнута»[79].

Но все же по этой проблеме в его публикациях встречается ряд суждений, заслуживающих внимания. Рассматривая эту проблему в контексте «демократия и ислам», он обратил внимание, что «в Исламе узаконено и священно три способа прихода к власти. Первый — общенародные альтернативные выборы, второй — назначение преемника предыдущим руководителем и третий — выборы главы коллегией выборщиков... Все три способа ...одинаково законны в Исламе»[80]. Но среди мусульманских народов «практически везде укоренился второй способ, т.е. назначение, хотя он был вынужденным исключением: но из-за его соответствия Шариату исламская история превратилась фактически в историю мусульманских династий, монархий и других разновидностей авторитарных режимов... Все это (наряду с другими причинами) и привело к тому, что Ислам задохнулся в политическом тупике тоталитаризма и деспотии»[81]. Исключением, как он считает, являются татары, которые сохранили традиции выборности духовенства[82].

Ислам Традиции или мазхабический ислам в той трактовке, которую предложил В.Якупов, безусловно, заслуживает самого серьезного внимания. Это не просто альтернатива реформаторским тенденциям, а результат глубокого осмысления тех процессов, которые происходят в мусульманском сообществе. Как ни парадоксально, модернизм и салафизм (в виде ваххабизма) в ожесточенной критике мазхабов смыкаются. Не приведет ли это со временем к смене мазхаба, под видом его ликвидации? Нужен ли нам безмазхабный ислам, по сути дела, выводящий его за пределы классических канонов и превращающий в радикально настроенное сектантство? От правильного, продуманного ответа на эти вопросы, в принципе, зависит конечный результат реисламизации татарского общества.

§ 4. «РУССКИЙ ИСЛАМ»

Одной из особенностей религиозного возрождения в России стало его относительная замкнутость в рамках отдельных конфессий, основная деятельность которых была нацелена на решение «внутрицеховых» проблем. А характер межконфессиональных отношений считался приемлемым на уровне мирного сосуществования. В условиях самоотстраненности государства от религиозных проблем и отсутствия полноценной конфессиональной политики, такая позиция была вполне естественной и приемлемой. Но в условиях проникновения религии в различные сферы жизни общества, возникали проблемы политического, этноконфессионального и культурно-идеологического характера, свидетельствующие о наличии различных плоскостей ее восприятия в обществе. Между тем, российское общество еще не было готово к тому, чтобы конфессии вышли за пределы своих традиционных этнических рамок, нарушая общепринятые представления об их составляющих.

Скорее всего, этим можно объяснить реакцию различных слоев российского общества на проект, именуемый «русским исламом». Правда, резкость и противоречивость критических замечаний в адрес этой концепции обусловлена была, в первую очередь, тем, что он был назван проектом. Как известно, любой проект предполагает разработку конкретных мер по его реализации. Поэтому представители двух конфессий (православия и ислама), а так же светская интеллигенция (русская и татарская) строили догадки о возможных мероприятиях по «исламизации русских» и «русификации ислама». Один из идеологов этого проекта Сергей Градировский, после апробации своей разработки в 2003 г. в различных регионах Приволжского федерального округа, внес в нее, как мне кажется, принципиальные изменения[83]. Содержание концепции стало логически стройным и соответствующим своему содержанию. Самое главное, «русский ислам» был объявлен «явлением», что сразу же успокоило широкую общественность, поскольку как явление он действительно существует.

В первоначальной версии проекта С.Градировский выделил два его аспекта:

1. Осуществление этого проекта позволит избежать «конфликта цивилизаций», более того — добиться их сотрудничества. В свою очередь он открывает новые возможности для посредничества России в урегулировании подобных конфликтов на международной арене, укрепит позиции России во взаимоотношениях с «географическим подбрюшьем» страны, преимущественно исламским, даст мощный инструмент влияния в исламском мире, а главное — поможет аккумулировать громадную социальную энергию, которой по его мнению, обладают религиозные общины, и которая усилится и станет управляемой в связи со взаимной конфессиональной «ассимиляцией».

2. Речь идет о мультикультурном проекте вовлечения ислама в общероссийскую идентичность (поскольку сейчас в религиозном аспекте она воспринимается как почти исключительно православная), о создании некоей общероссийской, и в значительной степени — русскокультурной, мусульманской идентичности.

Но особого внимания в концепции С.Градировского заслуживают те положения, которые, действительно, имеют прямое отношение к формированию религиозной идентичности у татар. Шесть ключевых пунктов, которые составляют основу «русского ислама» как социокультурного явления, и в первую очередь, характеризуют тенденции, присущие для татар.

Массовый переход в мечетях на русский язык. Это, в первую очередь, связано с тем, что «большинство городских мечетей сегодня наполняются мусульманами разных национальностей»[84]. Данный процесс, по утверждению С.Градировского происходит сам по себе, в силу объективных причин, его никто специально не проектирует и никто специально не развивает.

Но при этом нельзя не обратить внимание, что ситуация намного сложнее. В.Якупов отмечает, что действительно, «в большинстве городских российских мечетей, кроме Татарстана и Башкортостана язык проповедей меняется на русский... И если ничего не предпринимать, может вскоре получиться так, что Ислам в России перестанет быть татарским, т.е. татароязычным»[85]. И самое печальное, по утверждению В.Якупова, «этому процессу способствует и то, что во многом татарская молодежь русскоязычна и заражена салафитскими и ваххабитскими идеями, с их отрицанием национального компонента вообще. Таким образом, зачастую в мечетях по вине самих молодых татар татарская речь становится запретной»[86].

В.Якупов считает, что «значительный вклад в ликвидацию татароязычных мечетей вносит и татарская интеллигенция», которые «озабочены лишь реформацией Ислама, т.е. весь смысл их усилий сводится к идее сконструировать “Ислам” без намаза, без молитвенных обязанностей. Эти призывы существенно замедляют реисламизацию татар, которые отказываясь от намаза, покидают мечети, а их немедленно захватывают... южные коллеги»[87].

Нельзя не согласиться с мнением В.Якупова о том, что эти «процессы очень опасны для самой будущности татарской нации, для сохранения ее этнической составляющей... Без такого необходимого центра консолидации, как мечеть, собрать и сохранять народ очень проблематично»[88]. В.Якупов приводит и шариатское обоснование сохранения в мечетях татарского языка: «Мечети являются по сути вакуфным имуществом, т.е. недвижимостью, пожертвованной на пути Ислама. А жертвователи вакуфов обладают правом обусловливания пожертвования, таким образом, воля вакуфодателей вплоть до разрушения мечети должны исполняться. Известно, что наши предки до революции жертвовали деньги именно для татароязычных мечетей и их воля должна быть священной и для нынешних пользователей этих зданий мечетей»[89].

Среди других пунктов С.Градировский выделяет переход исламского книгоиздательства на русский язык, принятие госстандарта по исламской теологии, исламские русскоязычные СМИ, появление интеллектуальных сообществ, думающих и говорящих на русском языке и разворачивание в русскоязычном пространстве дискуссий по ключевым догматическим и политическим вопросам.

Выделяя эти основные составляющие «русского ислама» С.Градировский обращает внимание на то, что многие процессы в исламской культуре России «происходят в новом для нее языковом пространстве, в рамках иной культуры мышления. А связь языка, мышления и социального действия хорошо известно. Приведут ли эти изменения к трансформации религиозной идентичности? Безусловно, поскольку в ее сферу вторгается новый фактор, который С.Градировским обозначен как язык коммуникации. Татарский язык как язык идентичности постепенно отодвигается на второй план.

Не ускорит ли это ассимиляционные процессы? Сможет ли ислам выступить в этой ситуации сдерживающим фактором? Сможет, если он возвратится в нашу действительность с теми

традициями, которые сохранились в рамках ханафитского мазхаба. Здесь еще раз уместно напомнить о том, что именно в рамках этого мазхаба «татарский» ислам функционировал с довольно заметным этническим компонентом, который помог ему выстроить гибкую модель, сочетающую приспособляемость и выживание. Модернизированный «чистый» ислам, усердно освобождающийся от мазхабических традиций, пренебрежительно относящийся к этническому компоненту и не признающий систему обычаев и обрядов, сможет ли внести свою лепту в формирование новой идентичности татар? Боюсь, что нет.

§ 5. РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГЛАЗАМИ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА

Нет сомнения в том, что новый этап религиозного возрождения требует значительных интеллектуальных усилий со стороны всех его участников. Органы государственной власти должны выработать оптимальную модель государственно-конфессиональных отношений, интеллигенция, наконец-то, должна объективно, взглянув в свое прошлое, избавиться от устаревших идеологических штампов и трезво оценить свою роль в духовно обновлении общества. А мусульманское духовенство, наконец-то, должно перейти в разряд полноценных религиозных деятелей, осмысленно, со знанием дела выполняющих свои обязанности.

К сожалению, мы с каждым годом все острее наблюдаем однобокость и поверхностность, происходящих в этой области преобразований. Эти изменения уже перестали быть кардинальными. Татарская интеллигенция, как и подобает ее положению, остается посторонним наблюдателем этих процессов. Но уровень ее представлений об исламе застыл на уровне начала 90-х годов. Эти представления, по сути, комплиментарно-примитивные и поэтому в принципе, не способствуют переходу к качественно новому этапу реисламизации общества.

Мусульманское духовенство так же медленно осваивает ту историческую миссию, которая ему возложена на этом этапе религиозного обновления. Его абстрактно-упрощенные представления об исламе еще больше усугубляются полным невежеством в области истории ислама в России и среди татар.

Так есть ли источники оптимизма в этой сфере? Мне кажется, в данной ситуации оптимизм вселяет только осознание того, что все эти явления и процессы являются объективно обусловленными и вполне естественными.

Может ли современное татарское мусульманское духовенство прогнозировать и выстраивать свою деятельность в русле формирования целостной религиозной идентичности? К сожалению, пока нет. Оно сегодня озабочено распространением общих религиозных знаний об исламе в целом. Эти представления еще не выстроены в целостную систему. Оно еще не готово из этой массы беспорядочных представлений об исламе вычленить главное и выстроить генеральную линию действий. К этим выводам можно прийти после анализа 40 интервью с представителями мусульманской элиты Татарстана и Башкортостана, проведенных нами в 2004 г. Для иллюстрации можно привести ряд суждений по тем вопросам, которые имеют отношение к рассматриваемой теме.

1. Кого вы считаете наиболее авторитетными учеными в области мусульманского богословия? Какие их труды являются наиболее авторитетными для вас?

Анализ ответов на этот вопрос дает возможность лишней раз убедиться в том, что современное мусульманское духовенство в основной своей массе не получило полноценного религиозного образования. Перечисление нескольких случайных имен ученых четко иллюстрирует наличие пробелов в богословском образовании. Среди ученых довольно часто встречаются имена Абу Ханифы, аль-Газали, из современных Юсуф Кардави и Харун Яхья. Наиболее авторитетными из татарских ученых считаются Р.Фахретдинов, Ш.Марджани и М.Бигиев. Этот перечень имен, к сожалению, не дает возможность судить о богословских пристрастиях духовенства. Наоборот, остается впечатление случайности, спонтанности теоретических суждений.

О не случайности этого вывода свидетельствуют и ответы на другие вопросы.

2. Какого мазхаба в России, в основном придерживаются? Актуально ли сегодня вопрос мазхабов для возрождения ислама в России?

Ответы на этот вопрос можно разделить на три типа:

а) «В России в основном придерживаются ханафитского мазхаба, а вопрос мазхабов в целом для возрождения ислама не актуален» (Ильдар-хазрат Малахов, ректор медресе им. М.Султановой в Уфе; Аюп-хазрат Бибарсов, первый заместитель муфтия ДУМ РБ и др.);

б) Проблема мазхаба актуальна как историческая традиция. Но ситуация изменилась, сейчас мазхабы друг у друга что-то перенимают. У нас пока нет ученых, которые могли бы проделать эту работу. Поэтому надо быть выше деления на мазхабов (Сулейман-хазрат Зарипов, первый проректор РИУ; Нурислам-хазрат Ибрагимов, зав. Набережночелнинским филиалом РИУ и др.).

в) «Мазхаб — это путь/метод решения религиозно-правовых проблем, поэтому он очень актуален» (Рустам Батров, гл. редактор журнала «Минарет»; Валиулла-хазрат Якупов, первый заместитель муфтия ДУМ РТ и др.).

Как видно, отношение к мазхабам, особенно в определении его места в процессе религиозного возрождения наглядно показывает отсутствие единства в его осмыслении. Это, в первую очередь, свидетельствует о том, что богословско-правовой аспект религиозного возрождения считается пока не самой актуальной. Но в рамках какого богословско-правового пространства должна формироваться обрядовая система татар-мусульман? Возможно ли ее формировать без учета особенностей мазхабов?

Пожалуй, над этими проблемами задумаются только незначительная часть духовенства. А основная же часть наивно предполагает, что ислам можно возрождать путем пропаганды ее основных идей без какой-либо правовой основы. Но нельзя забывать, что мазхабы — это многовековая история и традиции, которые невозможно игнорировать. А игнорирование традиционного для татар мазхаба вовсе не приведет к его исчезновению, а произойдет процесс замены его другим мазхабом.

Неоднозначность отношения к суфизму в ответах также налицо: от отрицания его роли до рассмотрения его как традиции и признания его перспектив в исламском возрождении. Ответы объединяет абстрактность суждений, незнание местного материала и особенностей суфизма в регионе. Только в 4 анкетах названо имя одного из крупнейших представителей татарского суфизма — Зайнуллы-ишана Расулева. Другие представители суфизма ни разу не указаны. Между тем, суфизм в регионе имел свою богатую историю и сыграл довольно заметную роль в сохранении ислама в Среднем Поволжье.

Среди вопросов, ответы на который во многом оказался схожим, это — «Как вы относитесь к политическим партиям и движениям»? Эта роль в возрождении ислама признается незначительной и предлагается держать дистанцию от них. Такая единомышленная позиция духовенства, в первую очередь, свидетельствует о том, что процесс политизации ислама в Татарстане находится в зачаточном состоянии и ее целесообразность не признается. Между тем, нет понимания того, что для национального возрождения очень важно консолидация всех сил общества. Отсутствует понимание того, что сегодня религия в обществе представлена в основном как элемент национального самосознания (около 80% опрошенных в 2002 г. молодых людей до 30 лет считают себя верующими, только 4% из них выполняет все обряды). Не является ли это серьезным предупреждением насчет необходимости проработки новых подходов в работе с молодежью с учетом ее представлений об исламе? Безусловно. Но духовенство не просто игнорирует, но и пренебрежительно относится к возможному сотрудничеству с политическими и общественными организациями. Правда, этих организаций и движений в Татарстане почти не осталось. Но есть Всемирный конгресс татар, с которым сотрудничество до сих пор не налажено.

Отношение к нетрадиционным религиозным течениям в ответах в основном так же благоустно-спокойное. Утверждается, что их роль и влияние преувеличены и они не несут какой-либо угрозы для традиционного ислама в Татарстане.

Итак, татарское мусульманское духовенство пока живет представлениями, сформировавшись во второй половине 90-х гг. Оно только сейчас приближается к подступам нового этапа религиозного возрождения. Насколько быстро оно сможет осознать необходимость кардинальных перемен, от этого зависят темпы и характер религиозного возрождения в Татарстане.

Анализ различных форм интеллектуальных поисков свидетельствует о том, что в татарском обществе процесс осмысления перспектив постепенно переходит в иное качественное состояние. Эти теоретические измышления, можно сказать, что уже заняли свою нишу в общественно-политической мысли современного Татарстана. Это уже обнадеживает и свидетельствует о том, что традиции, присущие для татарского общества в области интеллектуальных поисков путей его развития постепенно возрождаются.

Опубликовано на сайте «Архипелаг.ру»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этом более подробно см. в Главе IV.
2. Сафин Р. Татар юлы. — Казан, 2002. — 60 б.
3. Этот термин, используемый в геополитических исследованиях, Р. Сафиным применяется для характеристики цивилизации, которой характерны динамизм, стремление к техническому развитию; которая отдает предпочтение торговле, предпринимательству (Сафин Р. Указ. соч., с. 14).
4. Там же, С.62.
5. Там же. С. 63.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же. С. 61.
10. Там же. С. 62.
11. Там же.
12. Там же. С. 63.
13. Там же.
14. Там же. С. 64.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же. С. 64-65.
19. [http:// oedipus.ru/orientalia/read/hp?Shame_euroislam](http://oedipus.ru/orientalia/read/hp?Shame_euroislam).
20. Там же.
21. Неприкосновенный запас. 2002. № 6.
22. Там же.
23. Там же.
24. См.: [http:// fairway. Nq.ru 2/210_1.html](http://fairway.Nq.ru/2/210_1.html).
25. Там же.
26. [http:// www.inosmi.ru/print/139729.html](http://www.inosmi.ru/print/139729.html).
27. Там же.
28. Там же.
29. [http:// www.centrasia.ru/news A./pp 4? St](http://www.centrasia.ru/news/A./pp4?St).
30. Хаким Р. Где наша Мекка? — Казань, 2003. — С. 22.
31. Там же. С. 17.
32. Там же. С. 50-51.
33. Там же. С. 51-52.
34. Там же. С. 7.
35. Там же.
36. Там же. С. 40.
37. Цит. по кн.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М., 2003. — С. 104-105.
38. Хаким Р. Указ. соч. С. 143.
39. Хантингтон С. Указ. соч., С. 112.
40. Хаким Р. Указ. соч., С. 43.
41. Там же.
42. Там же. С. 4.
43. Там же. С. 10-11, 13.
44. Там же. С. 18.
45. Там же. С. 25.
46. Там же. С. 26, 37.
47. Там же. С. 46, 47, 48.
48. Там же. С. 53.
49. Там же. С. 40.
50. Там же. С. 37, 39.
51. Там же. С. 22.
52. Об этом более подробно см.: Глава IV, § 2.
53. Якупов В. Татарское «богоискательство» и пророческий Ислам. — Казань, 2003. — С. 10.
54. Там же, с. 12-13.
55. Там же, с. 13.
56. Там же.
57. Там же, с. 14.
58. Там же, с. 11.
59. Якупов В. Ханафитский мазхаб, его значение и актуальность. — Казань, 2004. — С. 11.
60. Якупов В. Мера Ислама. — Казань, 2004. — С. 34.
61. Там же, с. 28.
62. Там же, с. 28-29.
63. Якупов В. Татарское «богоискательство», с. 6.
64. Там же, с. 7.
65. Там же.
66. Там же, с. 8.
67. Там же, с. 19.
68. Якупов В. Ханафитский мазхаб, с. 5.
69. Там же.
70. Там же.
71. Там же.
72. Там же, с. 11.
73. Там же, с. 14.
74. Там же, с. 16.
75. Там же, с. 18.
76. Там же.
77. Там же, с. 6-7.
78. Там же, с. 15.
79. Якупов В. Татарское «богоискательство», с. 9.
80. Якупов В. Мера Ислама, с. 29.
81. Там же, с. 29-30.
82. Там же, с. 30.
83. Все публикации С.Градировского по этой проблеме см. в сайте <http://www.archipel-ag.ru/outhors/gradirovsky>
84. См. статью С.Градировского «Русский ислам» в указанном сайте.
85. Якупов В. Мера Ислама..., с. 24.
86. Там же.
87. Там же, с. 25.
88. Там же.
89. Там же.

ИСЛАМ В РОССИИ В 2020 ГОДУ

Сегодня, по данным переписи 2002 года, в РФ проживают 14,5 млн. «этнических мусульман», к которым следует добавить свыше 3 млн. мусульман-мигрантов из ближнего зарубежья. Выходцы из мусульманской среды — чеченцы, татары, азербайджанцы входят в элиту российского бизнеса. Среди мусульман немало политиков общероссийского масштаба. Несмотря на ведомый ими сугубо светский образ жизни, подавляющее их большинство, так или иначе, идентифицируют себя с мусульманской традицией, хотя и не следует тому, что принято называть исламским образом жизни. Ислам в разной степени и в разные периоды оказывал и оказывает влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Исламский фактор невозможно игнорировать и при формировании внешнего курса.

Что можно ожидать еще через 15 лет, т.е. в 2020 году? Сегодня модно делать прогнозы на 2050 г., но вряд ли большинство их авторов сумеет лично убедиться в своей правоте. 2020 г. же не за горами. И потому есть возможность самому узнать, насколько ты оказался прав.

КАЖДЫЙ ПЯТЫЙ

Итак, каким видится российское мусульманство спустя 30 лет после возникновения новой России? Количество мусульман возрастет, и при нынешних темпах роста народонаселения, прежде всего на Северном Кавказе, а также с учетом миграции может составить 25 млн. человек. С учетом, того, что общее число российских граждан понизится примерно до 130 млн. человек «мусульманский процент» достигнет 17-19 (как с учетом миграции, так и без учета оной).

Одновременно произойдет внутренняя реструктуризация мусульман, и большинство среди них составят кавказцы. Возрастет в абсолютных и относительных показателях число выходцев с Кавказа, осевших в российских городах. Рельефнее, чем сегодня обозначатся две противоположные тенденции: с одной стороны, — дисперсия мусульман, прежде всего тех же кавказцев в российском обществе; с другой — их стремление сохранить свою идентичность, этнический характер — особенно на первом этапе — своего бизнеса. Отсюда возможно появление нового поколения политиков, которые будут представлять интересы различных групп исходя из этноконфессиональной принадлежности. Возможно возникновение квазирелигиозных движений. (Не что подобное имело место в 90-е годы, но создание авторитетной общероссийской партии с социально-исламской мотивацией так и не состоялось). Этим движениям не будут присущи сепаратистские настроения.

России, как им всему остальному миру, не удастся «избавиться» от радикального ислама, который продолжит свое существование под разными вывесками — ваххабизм, ислаимизм, фундаментализм. Наиболее ярко выраженным он останется на Северном Кавказе. Однако очаги религиозного радикализма сохранятся и в мусульманском Поволжье, что связано с проповеднической деятельностью нового поколения духовенства, прошедшего обучения в арабских странах.

НУЖЕН ДИАЛОГ

Увы, но и через 15 лет терроризм под религиозными лозунгами останется бедствием России, и не только ее. Однако даже, несмотря на эти обстоятельства, власти (видимо, и центральной), придется вступить в систематический диалог с умеренной частью исламистов.

В этноконфессиональных отношениях сохранится определенная напряженность, сопровождающаяся прямыми столкновениями. Такую ситуацию мы наблюдаем уже сегодня. И если администрации всех уровней, руководители этнических общин, авторитетные священнослужители займут выжидательную позицию, такого рода конфликты станут более частыми и жестокими (вплоть до «минивойн»). Возрастет исламофобия, которая закрепится в политическом и бытовом сознании и поведении значительной части российских граждан. Ее росту, помимо проблем в этноконфессиональных отношениях, продолжит способствовать взаимная предубежденность Запада и мусульманского мира.

Итак, Россия не станет мусульманской, чем пугают нас некоторые современники — политики и писатели. Но «исламский фактор» в ее жизни ее общества, в формировании ориентации различных политических групп станет более заметным.

Источник: Русская служба «Би-Би-Си», сентябрь 2005 г.

Исмаил Гаспринский*

РУССКОЕ МУСУЛЬМАНСТВО МЫСЛИ, ЗАМЕТКИ И НАБЛЮДЕНИЯ

Представляя на суд публики наши заметки и мысли по вопросу о сознательном и близком сближении русских мусульман с их русскими соотечественниками, мы считаем необходимым оговориться, что решительно не имеем претензий на безошибочность мыслей и наблюдений. Цель настоящих заметок — вызвать обсуждение и исследование вопроса о будущем русских мусульман в интересах нашего отечества и цивилизации. Всякое возражение, пояснение и факты по интересующему нас вопросу мы готовы выслушать теперь и обсудить при дальнейшей обработке предмета сих заметок. Поэтому мы будем очень рады и благодарны за всякое мнение, которое услышим от читателя, обращенное непосредственно к нам или путем печатного обсуждения.

Исмаил Бей Гаспринский. Бахчисарай 1 июня 1881 года.

ГЛАВА I

Пятьсот лет назад на Куликовском поле бесповоротно был решен судьбою и историей вопрос о подчиненности северного и восточного мусульманства, а в частности тюрко-татарского племени, племени русскому. После вековых испытаний и борьбы возмужавший и окрепший русский дух сломил, наконец, грозную, своеобразную власть татар, и с того момента шаг за шагом русская сила и власть надвигаются в недра Татарии, и разрозненные ветки тюрко-татарского племени, в свое время единого и могущественного, постепенно переходят под власть России и делаются ее нераздельной составной частью. Так одно за другим, в моменты исторической необходимости, вошли в состав растущей Руси царства Рязанское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское, далее — ханства Закавказья и в последнее время — некоторые ханства Средней Азии, где, по нашему мнению, Россия еще не достигла своих исторических, естественных границ.

Мы думаем, что рано или поздно границы Руси заключат в себе все тюрко-татарские племена и в силу вещей, несмотря на временные остановки, должны дойти туда, где кончается населенность тюрко-татар в Азии. Граница, черта, разделяющая Туркмению и Среднюю Азию на две части — русскую и нерусскую, — может быть, политически необходима в настоящее время, но она неестественна, пока не обхватит все татарские племена Азии... Эти племена испокон веков живут в известном, резко очерченном районе Азии и, заключенные в естественные, географически правильные границы, могли защищать свои поселения, земли и царства от вторжений и завоеваний чуждых соседей — персов, афганцев и монголо-китайцев.

История Средней Азии и тюрко-татар — ряд нескончаемой борьбы элемента тюрко-татарского с окружающими, начиная со сказочных богатырей Рустема и Зораба до Якуб Бека Кашгарского включительно. При даровитых, воинственных ханах тюрко-татары спланивались и переходили свои географические, естественные границы, громя соседей, чтоб вскоре опять успокоиться, как расхолодившееся море, и войти в свои исторические рамки в форме снеговых гор, непроходимых плоскогорий и пустынь. Вот почему мне кажется, что, пока русские границы, как наследие татар, не дойдут до исторических, естественных пределов их поселений, они не могут быть прочны. Таким образом, мне кажется, что в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, несколько не умалит ее значения как великой христианской державы.

Впрочем, не предвещая вовсе вопроса о дальнейшем направлении и расширении азиатских границ, мы желаем лишь указать теперь на тот факт, что уже ныне в руках России находится до десяти миллионов тюрко-татарского племени, исповедующих одну и ту же религию, говорящих наречиями одного и того же языка и имеющих один и тот же социально-общественный быт, одни и те же традиции.

Гаспринский Исмаил Мустафович (1851-1914). Основатель пантюркизма, главный идеолог татарского движения обновленчества — джадидизма, публицист, издатель первой татарской газеты «Терджеман» («Переводчик»), один из организаторов первой мусульманской партии «Иттифак аль-муслимин».

Племя это разбросано на громадных пространствах Европейской и Азиатской России и во многих местах смешано с русским или иным населением. Однако, имея особые и прочные религиозно-бытовые условия жизни, оно представляется нам довольно крупной единицей среди народностей нашего обширного отечества, и судьбы ее заслуживают, мне кажется, серьезного внимания общества и государства.

Присматриваясь к отношениям русской власти к покоренным и покоряемым татарским племенам, мы замечаем, что она мало знакома с почвой, на коей приходится действовать, мало знает татар, их внутренний быт и строй. Русское господство над татарами до сих пор, насколько мне известно, выразилось только в следующем: я владею, вы платите и живете как хотите. Это очень просто, но крайне бессодержательно... В самом деле, какого рода отношения должны существовать между татарами и русскими? Чем должны быть татары, русские мусульмане, в отношении к русским и обратно, русские в отношении к ним? К какой разумной хорошей цели стремится русская власть в отношении к инородцам-мусульманам? Что русские должны делать для них, как должны делать и чего требовать от них? Должны ли русские и русские мусульмане жить рядом на одной земле, под одним законом, как случайные спутники, соседи, или между ними следует развить более близкие родственные отношения, как между детьми великой семьи народов нашего обширного великого отечества?..

Где та идея, которая воодушевляет и служит источником отношений и регулятором действий русской власти в отношении русского мусульманства?

В последние годы часто приходится читать и слышать о великой цивилизаторской миссии России на Востоке. Отлично, прекрасно. Но чем должна выражаться эта миссия? Неужели замена кадиев — уездными начальниками, наибов — приставами, бекетов — областями и губерниями, десятины — подушной и другими податями, шелковых халатов и бешметов — дворянским воротником исчерпывает все содержание этой миссии и больше ничего не остается делать?

Быть может, наше общественное положение, ограниченное воспитание и многое другое не дали нам возможности стать ближе к источникам внутренней политики нашего отечества; но по доступным нам наблюдениям на обширном по времени и пространству поле деятельности русской власти мы усматриваем лишь одно хорошее деяние, достойное великой миссии: — это уничтожение рабства там, куда проникла эта власть.

И странное дело, рабство уничтожалось русскими среди азиатов в то время, когда оно процветало еще в недрах коренной Руси. Затем все остальные проявления русской власти среди мусульман не идут далее требований государственного фиска и ограждения общественной безопасности и порядка, выражавшихся во множестве законов, распоряжений, льгот, скопившихся в различных судах и правлениях и доходивших до мусульман только в форме звуков колокольчика станового или уездного начальника, да еще во множестве споров, межеваний, непонятных массе отчуждений, в открытии и закрытии школ, словом, во всем таком, что сменяло одно другие с быстротой крыльев ветряной мельницы, и в конце многолетней деятельности и затрат какой же результат? Общественная и умственная изолированность мусульман, глубочайшее невежество, мертвая неподвижность во всех сферах их деятельности, постепенное обеднение населения и края и, по окраинам, гибельная эмиграция!

Я глубоко убежден, что наши русские соотечественники не только не желали, но даже и не ожидали, не предвидели таких печальных результатов; что они были убеждены искренно, что дело цивилизации азиатов обстоит благополучно. Но, однако, от этого наличный факт не изменяет своего грустного характера.

Вопрос об инородцах, о мусульманстве в России, сколько мне известно, вовсе еще не обработан. Даже литература почти не представляет материалов к тому, а между тем, мне кажется, стоило бы подумать о нем. Провидение передало и передаст под власть и покровительство

России массу мусульман с богатейшими землями, делает Россию естественной посредницей между Европой и Азией, наукой и невежеством, движением и застоном...

Отсутствие строго намеченной, последовательной политики, воодушевленной высокой идеей распространения цивилизации среди русского мусульманства, чувствуется до сих пор и принесло немало горьких плодов как для нас, русских мусульман, так и для нашего отечества. Так, например, там, где можно было, мы бросали свои пепелища, святыни, родину и уходили Бог весть куда (крымцы, бессарабцы, кавказцы), а где уйти было некуда и нельзя, мы уходили в свой тесный мирок, отдаваясь ему всецело и не желая знать и ведать ничего, что не касалось

близко нашего мирка и его узких интересов (мусульмане внутренних губерний). Русское мусульманство не сознает, не чувствует интересов русского отечества; ему почти неведомы его горе и радости, ему непонятны русские общегосударственные стремления, идеи. Незнание русской речи изолирует его от русской мысли и литературы, не говоря уже о полнейшей изолированности в отношении общечеловеческой культуры. Русское мусульманство прозябает в тесной, душной сфере своих старых понятий и предрассудков, как бы оторванное от всего остального человечества, и не имеет иной заботы, кроме заботы о ежедневном куске хлеба, иного идеала, кроме указаний желудка...

Не странно ли, что мусульманские общества многих азиатских центров, как Константинополь, Смирна, Каир, Дамаск, Тунис и многие другие, — настолько опередили во всех отношениях общества русских мусульман, что среди тех мусульман вы чувствуете Европу, оживление умственной и нравственной жизни, слышите новые, далеко не азиатские идеи и стремления; между тем как современное состояние каких-нибудь бахчисарайцев, казанцев, касимовцев и прочих представляет нам материальную и умственную картину времен Иоанна Грозного, Ермака и Чобан-Гирея, с затхлой атмосферой неподвижности и застоя? Знаменательное и единственное исключение в этом отношении составляют немногочисленные общины литовских мусульман, разбросанных по Литве, которые, сохранив и строго охраняя свои мусульманские традиции, отлично усвоили европейскую культуру и образ жизни и умственно стоят во главе русского мусульманства...

Не грустно ли, в самом деле, что русское господство не ведет мусульман к прогрессу и цивилизации; бессильно вдохнуть новую жизнь, идеи и стремления в область русско-татарской мертвечины, не говоря уже о материальных преступлениях. Мало того, — я с болью должен констатировать, что при русском господстве пришли в некоторый упадок и те средства умственного развития татар, кои представлялись их школами и письменностью.

Только полуразрушенные, развалившиеся памятники старины с их надписями, кое-какие засаленные, запыленные книги свидетельствуют, что когда-то и татары могли писать и говорить красиво, умели задумываться над вещами, требующими мысли, понимали красоты Гафиза, человечность Шейх-Саади и смелый полет мысли Ибн-Сины и других арабских и персидских писателей и философов.

Русские мусульмане по законам нашего отечества пользуются равными правами с коренными русскими и даже в некоторых случаях, во уважение их общественного и религиозного быта, имеют кое-какие преимущества и льготы.

Наблюдения и путешествия убедили меня, что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к покоренному, вообще чуждому племени, как наши старшие братья, русские.

Русский человек и простого, и интеллигентного класса смотрит на всех, живущих с ним под одним законом, как на своих, не выказывая, не имея узкого племенного себялюбия. Мне приходилось видеть, как арабы и индусы были в неловком положении среди высокообразованного парижского и лондонского общества, несмотря на всю изысканную деликатность обращения с ними, а может быть, и благодаря ей. Сыны Азии как бы чувствовали в отношении к себе деланность, натяжку и обидное снисхождение. Это мне доказывали многие арабы, алжирские выходцы, служащие или торгующие во Франции. Эту черту племенной гордыни или самомнения я наблюдал у турок, у которых, за отсутствием европейской галантности, она выступает рельефнее...

Слава Богу, не то приходится видеть у русских. Служащий или образованный мусульманин, принятый в интеллигентном обществе, торговец в среде русского купечества, простой извозчик, официант в кругу простого люда — чувствуют себя одинаково хорошо и привольно, как сами русские, не тяготясь ни своим происхождением, ни отношениями русского общества, так что образованные мусульмане, имевшие случай знакомиться с разными европейскими обществами, наиболее близко, искренне сходятся с русскими людьми. Это не более как следствие едва уловимого качества русского национального характера, качества, которое, я уверен, весьма важно для будущности русских и живущих с ними племен.

Мне приходится читать, а чаще слышать упреки, что, мол, русские в массе почти лишены племенного, национального самосознания. Подобный упрек едва ли имеет место, потому что в Отечественную войну и много ранее того, в тяжелые годы народной жизни, русские доказали, что сознают свое бытие и национальную личность, если можно так выразиться. Что же касается того, что русские то или другое событие встречают и провожают без шума и треску, то это — народная особенность и, думаю, черта хорошая...

Там, где французы или немцы пожгли бы много пороха, устроили бы множество символических, демонстративных процессий и факельцугов, натворили бы множество умных и неумных фраз, русский ограничивается крепким задушевым пожатием руки, молитвой в храме, а не то — просто снимет шапку да перекрестится. Например, недавно Россия и русские отпраздновали день 500-летия Куликовской битвы, день — один из важнейших в истории Руси. И что же? Ни шуму, ни гаму, ни искусственных декораций, ни экзальтированных демонстраций и речей... Молитва в храмах, описание события в печати и молебн на самом знаменитом поле — вот все, чем был отличен этот день от прочих. Не знаю, так ли, но я думаю, что эта черта русского характера весьма почтенна и заслуживает полной симпатии.

Кстати, к дню Куликовской битвы — два слова по истории. Известно, что день этот служит гранью, с которой начинается возрождение Руси и, обратно, постепенное падение татарского владычества. Об этом владычестве мне приходилось кое-что читать и слышать, и мне всегда казалось, что тут что-то как бы не дописано или не досказано. Обыкновенно говорят: татарское господство причинило Руси неисчислимые бедствия, задержало цивилизацию на несколько столетий. Это совершенно верно; но я думаю, что столь продолжительное господство над Русью какого-либо другого племени, при той же силе и могуществе, могло бы совершенно уничтожить Русь. Примеры этому мы видим на западных окраинах славянства. Татары, как господа, собирали дань; как дети Азии, частенько похищали хорошеньких девушек, и затем бытовой, религиозной жизни Руси почти вовсе не касались. Я не историк, могу легко ошибиться, — но мне кажется, что, говоря о татарском господстве, следует подумать о том, что оно, может быть, охранило Русь от более сильных чужеземных влияний и своеобразным характером своим способствовало выработке идеи единства Руси, воплотившейся в первый раз на Куликовском поле...

Если действительно в этом смысле мы, татары, сколько-нибудь были полезны Руси, то «долг платежом красен», и мы желали бы, чтобы этот платеж был произведен уже не старой азиатской, а новой европейской монетой, т. е. распространением среди нас европейской науки и знаний вообще, а не простым господством и собиранием податей. Правда, до сих пор сами русские учились, но ныне они могут быть нашими учителями и наставниками.

Меня всегда огорчала и поражала та отчужденность, та апатичность, тот индифферентизм, с которым относится мусульманская масса к самым жизненным вопросам своего русского отечества, несмотря на то, что и законы, сравнивающие ее в правах с русскими, и указанная нами черта русского характера чрезвычайно благоприятствуют к сближению этих двух народностей между собою. Это грустное явление наблюдается не только на окраинах, более или менее недавно присоединенных к империи, но и во внутренних губерниях, где есть татарское мусульманское население. Многие публицисты и путешественники склонны объяснять подобные явления враждебным духом ислама, но в настоящем случае такое объяснение было бы крайне односторонне и ошибочно. Мне, как мусульманину, этот вопрос близко знаком, и потому я решительно заявляю, что религия тут ни при чем. Учение, которое имеет догматом любовь к земле, которая кормит, и верность повелителю, который охраняет, не оставляет места отчужденности, обособленности, неприязни в смысле политическом. Факт, упомянутый мной, должен иметь совершенно другие причины, которые мы, по мере разумения, ниже укажем.

Да, любезные соотечественники русские, нам нужны знания и свет: так примитесь же серьезно и дайте нам света и знаний, знаний и света; иначе господство ваше, как господство ради господства, станет ниже китайского, ибо известно, что у них искусство господства доведено до совершенства и механизм его верно и мерно движется вокруг одной и той же точки в течение тысячелетий...

ГЛАВА 2

Рождаясь и живя в России, под охраной и покровительством общегосударственных законов, неся, наравне со всеми, общие обязанности и повинности, русские мусульмане исполняют свой долг как верноподданные граждане России. Но этого мало. Желательно, чтобы эта еще внешняя, официальная связь приобретала все более и более нравственный характер; чтобы она неустанно укреплялась и оживлялась сознанием не только ее политической необходимости, но и сознанием ее внутреннего исторического значения и полезности; желательно, чтобы русское мусульманство прониклось убеждением в том, что Провидение, соединив его судьбы с судьбами великой России, открыло пред ним удобные пути к цивилизации, образованности и прогрессу.

Как достигнуть этого? Как должны относиться к мусульманам русские как племя господствующее и более образованное? В какие отношения должна стать русская власть к инородцам мусульманам, чтобы, соблюдая коренные государственные интересы, вести в то же время мусульман к всестороннему преуспеянию и прочному сближению с русскими, Россией и ее образованностью? — Вот, мне кажется, вопросы, которые нужно тщательно обсудить, с должной осмотрительностью решить и решения осуществить на деле целесообразными мерами, если мы желаем добра обширным русским странам и населяющим их миллионам русских мусульман.

Нам не известно, какой руководящий принцип лежит в основе отношений русской власти, русской политики к русским мусульманам. Литература в этом случае не дает почти никаких указаний: архивы для нас недоступны, но из известных нам отрывочных письменных и иных источников мы составили себе мнение, что в отношении русского мусульманства правительство не держалось какого-либо намеченного принципа и пути, а действовало всегда так, как полагало лучшим и необходимым в данное время и в данном месте. Так, например, на эмиграцию крымских татар правительство, а за ним и местная администрация, не имело ясного определенного взгляда, так что эмиграция эта то поощрялась, как желательное явление, то задерживалась, как явление вредное. Также и в сфере народного просвещения мусульман заметно отсутствие точно определенной цели и соответствующих ей средств: для них открывались школы, но, как плохо и без изучения почвы насажденные растения, школы эти не давали плодов и с течением времени погибали бесследно.

Желая в настоящих очерках коснуться интересующих нас вопросов лишь в общих чертах, мы не будем утруждать внимание читателя ссылкой на множество фактов, а будем лишь ограничиваться ими, насколько то необходимо будет для более точного выражения наших мыслей и соображений.

Весьма понятно и весьма естественно, что всякое государство, всякая господствующая народность в разноплеменном государстве, в видах упрочения своей будущности, стремится к единению в широком смысле этого слова, к возможному приведению в однородность своего разноплеменного населения. Хотя стремление это само по себе вполне законно, но способ достижения его может быть многообразен, и ошибочное избрание путей и средств часто, вовсе не приводя к цели, может делать их и самое стремление пагубным и безнравственным. Только при тщательном изучении и основательном знании поля действий, только при искреннем, проникнутом идеей блага беспристрастии можно достигнуть выработки наиболее подходящих и соответствующих данным условиям и цели способов к созиданию единства в разноплеменном государстве.

История указывает нам, как при приблизительно равном пропорциональном отношении иноплеменников к господствующему племени вызывались тяжкие, кровавые драмы и перевороты как следствие применения безнравственных и ошибочных способов и систем по упрочению государственного единства, точно так, как при ином соотношении племен, там, где господствующее племя представляет подавляющее большинство, задерживалось, в силу вещей, умственное и материальное развитие обширных стран и областей, а это, конечно, не могло не отзываться вредно на всем ходе государственной жизни.

Изучая историю, мы можем заметить, что в отношении к иноплеменным народностям, в видах упрочения государственного единства, действуют в разных государствах разные системы политики, исходящие из разных принципов и условий. У нас, в России, как бы применяется несколько систем: одна в отношении одной, другая в отношении другой народности; таковы, например, отношения государства к губерниям польским и финляндским, не говоря о других видоизменениях этих отношений к другим инородцам и областям. Каковы бы ни были отношения или системы политики, они преследуют одну цель — единство государства. Пути к тому двоякие: или стремление к кровному, так сказать, к химическому единению данной народности с господствующей — отсюда система ассимиляционная, русификационная, или стремление к единению нравственному, так сказать, к нравственной, духовной ассимиляции на принципах национальной индивидуальности, свободы и самоуправления.

Первая из этих систем политики действует в последнее двадцатилетие в Польше, вторая издавна — в Финляндии. Мы не будем касаться того, насколько нравственны и целесообразны упомянутые системы в отношении тех частей России, но позволим себе сделать несколько общих замечаний о практических достоинствах самих систем вообще.

Система ассимиляционной политики, с какой бы выдержкой и тактом она не проводилась, носит в себе характер принуждения, ограничения прав данной народности и по этому одному уже имеет за собой очень мало симпатий. Но, игнорируя, по ходячей доктрине, всякие симпатии в области политики и обращаясь только к целесообразности, полезности ее, мы не находим необходимых оправданий для политики поглощения одной народности другою, политики русификационной в нашем отечестве, если слово «русификация» понимать именно в смысле поглощения русскими других народностей империи. Несомненно, есть горячие патриоты в литературе и в администрации, думающие, что легко и возможно путем канцелярских мероприятий, тех или иных ограничений или поблажек переродить ту или другую народность по желаемому образцу.

Я ничего не имел бы против этого желания, если бы оно было осуществимо в сколько-нибудь краткий период времени, если бы не было одним только толчением воды и медвежьей услугой отечеству на почве патриотизма; но мы глубоко убеждены, что для перерождения, переделки по данному образцу какой бы то ни было народности, сколько-нибудь исторической и культурной, необходимо столько же времени при совокупности всех условий, сколько было необходимо при первоначальном обособлении и выработке той народности; иначе, по всей вероятности, давным-давно исчезли бы с лица земли десятки народностей, живущих уже тысячелетия, несмотря на то, что в доброе старое время способы поглощения и ассимиляции были далеко не столь деликатны и медленны, как теперь...

История почти не представляет нам примеров полного смешения, тем более поглощения одного народа, племени другим, за исключением двух, трех, как, например, смешение англосаксов в Британии или арабов с коренными жителями берегов Северной Африки вслед за завоеванием. Но вспомним, что в упомянутых случаях действовали такие исторические факторы и условия, которые никаким образом не создаются кабинетными проектами и канцелярскими соображениями.

Апологеты ассимиляционной политики часто ссылаются на онемечение Познани как на факт, доказывающий практическую состоятельность ассимиляционной политики вообще. Но не слишком ли преувеличен факт онемечения Познани? Если даже германизация имела сравнительные успехи в Познани, то следует еще вникнуть, насколько действовали тут живые, жизненные условия, качества самих народностей и насколько в этом смысле влияла канцелярия с неизбежными поощрениями, репрессалиями и проч., так как без строгого разграничения в этом отношении политик легко может ошибиться, строя предположения и соображения на неточно понятом или мнимом факте...

Несомненно, что сила и способность ассимилировать не одинаковы у всех племен, так же как сила и способность сопротивления ей. Но все-таки отсюда очень далеко до полной ассимиляции одного народа другим, так что следует остерегаться, чтобы, увлекаясь частными фактами, не слишком широко обобщать их и не принести в жертву несостоятельной системе ассимиляции реальные, святыя принципы справедливости и прогресса.

Обращаясь к другой системе политики проистекающей из уважения к национальности и всестороннему равенству племен, населяющих государство, мы замечаем, что она, отлично служа делу государственного единства, в то же время способствует образованию, прогресс и выработке лучших форм труда и жизни; как система, имеющая за собой правду и справедливость, она привлекательна и действует среди большинства цивилизованных народов мира. На основе всестороннего равенства и племенной самобытности мирно и счастливо живу в государстве Соединенных Штатов немцы, французы и англичане, в Швейцарии — немцы, французы и итальянцы, которые в то же время готовы бы потопить друг друга на берегах По, Тибра и Рейна. Даже в более разношерстном и отсталом государстве, именуемом Австро-Венгрией, начинают мирно уживаться и развиваться немцы, славяне, мадьяры, итальянцы, евреи и прочие, не ослабляя, а, не против, укрепляя государственное единство, конечно, в иной форме, чем обыкновенно думают укрепить при действии систем зануздываний и поглощений. Впрочем, к чему нам образцы и пример других государств и народов, когда у себя дома мы имеем не менее красноречивые данные?.. Мы думаем, что, несмотря на некоторую самостоятельность учреждений, языка и литературы и вообще народности в Финляндии, несмотря на централизацию и многообразные ограничения, действующие в духе русификации в Польше, первая страна несравненно больше русская, чем вторая, и останется всегда таковой, никогда не представляя собой большого, слабого места отечественного организма.

Говоря все это, нам хочется лишь высказать, что, как между отдельными человеческими единицами лучше и легче живется на основе взаимного уважения, признания прав и солидарности интересов, так и общежитие человеческих труп и народностей должно исключительно покоиться на таких же основах.

Было время, когда отношения человеческих индивидуумов не знало иного регулятора, кроме грубой силы, но ныне, слава Богу, немалую роль в этом отношении играют правда и совесть. Мы надеемся на таковой же прогресс в области государственной, общественной жизни, когда, так сказать, общественная совесть подымется до уровня развития совести отдельных индивидуумов.

Последние высказанные нами мысли и надежды могут вызвать улыбку у некоторых читателей. Если так, то я попрошу их выслушать запавший мне глубоко в душу рассказец, сообщенный мне матерью, когда мне было еще 13—14 лет, рассказец, известный почти каждому мусульманину и который, может быть, отчасти объяснит выраженные выше надежды и мысли...

Нельзя всякого хана или падишаха именовать адилем (справедливым), так начинается рассказец, ибо очень трудно быть справедливым. Наш пророк позволил назвать «справедливым» только одного падишаха древности — его зовут Адиль-Нух-Ширван, потому что он был всегда и во всем крайне справедлив ко всем народам, которые жили в его обширной, богатой и счастливой империи. Однажды он угощал народ своей столицы. За большими столами, уставленными прекрасными кушаньями и душистыми, прохладными шербетами, сидели и угощались старые и молодые, богатые и бедные, христиане и мусульмане. Адиль-Нух-Ширван обходил своих гостей и радовался им. К концу угощения великий, милостивый падишах внезапно чем-то смутился и, обратившись к гостям, воскликнул: «Меня зовут милостивым и справедливым: увы, я царствую сорок лет и только теперь заметил всю неправоту мою, заслуживающую наказания Аллаха! Я всегда сажал за эти столы рядом молодых и старцев: старцы отставали, торопились — молодые, вероятно, стеснялись присутствия старцев, значит, и те и другие были лишены надлежащего покоя и моего внимания. Я не так должен был распоряжаться, я должен был одинаково, но порознь угощать их и поэтому не заслуживаю великого прозвища “справедливого”! Да продлит Аллах дни мои, чтобы загладить роковую ошибку!»

Можете быть уверены, читатели, что очень многие мусульмане усваивают понятия права, правды и справедливости так же, как иногда очень точные воззрения на вещи вовсе не в замысловатых книгах, а в подобных безыскусственных рассказах, сопоставлениях и сравнениях...

ГЛАВА 3

Извиняясь за невольное отступление от непосредственного предмета сих заметок, русских мусульман, — мы возвращаемся к ним и, оговорившись, что в отношении их невозможны, а потому и нежелательны ни отношения, существующие в Финляндии, ни русификационные стремления, действующие в Польше, тут мы постараемся выяснить следующий вопрос: каким путем стремиться к сознательному общественному и государственному единению русских мусульман с Россией и ее образованностью? Вся цель настоящих заметок клонится к выяснению поставленного вопроса. Выше мы упоминали об отчужденности мусульман относительно России, об их индифферентизме в отношении ее жизни. Это происходит вовсе не от тех или других политических симпатий или стремлений русских мусульман, таковые у них не имеются.

Мусульманину почти безразлично, кто им повелевает, — он по своему закону обязан повиновением, — лишь бы только власть над ним была справедлива и в проявлениях своих не стесняла религиозно-бытовую сторону его жизни. При этом условии он не чувствует к окружающему ни вражды, ни симпатии; он делается индифферентным. Все не свое его не интересует, все, что не входит в круг его знаний, привычек и верований, — ему чуждо и не нужно. Для всех случаев жизни, для всех вопросов ума и сердца он не нуждается в помощи опыта, критики и науки: все это заменяет вечный Коран с вечными неизменными ответами и указаниями на все вопросы жизни и смерти...

В силу существующих социально-общественных условий быта и жизни русские и мусульмане лишены возможности обмена мыслей и идей: все отношения начинаются и кончаются на «купи — продай», давай — бери, и затем один идет направо, другой — налево. Разность языка и жизни, обстановки и верований никоим образом не могут способствовать развитию взаимного сближения, живого сочувствия и интересов, поэтому нет нужды искать причин мусульманской отчужденности от русской жизни и деятельности на политической или иной подкладке. Я глу-

боко убежден, что только незнание, непонимание и недоразумение удерживает мусульманина от близкого, деятельного и сочувственного приобщения к общей русской отечественной жизни. Исламизм непосредственно тут вовсе не мешает. Есть нечто посильнее и постарее его, которое мешает и портит тут дело, как и везде, — это невежество, борьба с которым до сих пор не организована как следует и для борьбы с которым должны дружно приняться лучшие мусульмане и русские.

На самом деле, каким образом русское мусульманство может искренне сочувствовать России и русским, когда оно их не знает и встречается с ними не иначе, как в форме начальника, действующего на непонятном ему языке: не иначе, как в форме податей, пошлин, марок и разных повинностей?.. Какое дело мусульманину до новых и старых судов и гласности? Те и другие для него тьма кромешная. Какое ему дело до городских и земских учреждений после уплаты причитающегося налога, когда эти учреждения и пальцем не шевелят ради мусульман как местного элемента? Какое ему дело до русской науки и печати с ее вопросами и интересами, когда он не подозревает существование первой и не ведает речи и стремлений последней?..

При подобной обстановке и условиях никакая солидарность, сознательное сочувствие немислимы, а напротив, нередко по ошибке или недоразумению возникают такие обстоятельства, которые поселяют среди мусульман мрачные ожидания, боязнь будущего, пассивное озлобление и, так сказать, еще больший уход в самих себя, в свой спертый душный мирок. Например, вводится всеобщая воинская повинность. Крымцы впервые призываются к воинской службе, но никто не позаботился дать населению точные понятия о предстоящей обязанности, и вот стоустая молва, нередко исходившая из грязных, низменных источников, оповестила татар, что до сорокалетнего возраста все будут взяты в солдаты и разосланы по России. Понятно, татары всполошились, и нужна была значительная доля терпения, времени, опыта и уступок, чтобы успокоить население и избежать легко возможных разорений и несчастий...

Для крещеных инородцев Поволжья нужно строить церкви и приобрести священные книги и прочее. Отлично: но дурно то, что подписки и сборы денег на сей предмет поведены так неумело, халатно и грубо, что всполошили все мусульманские края, вызвали некоторые репрессалии и замутили доверие всего русского мусульманства нелепыми слухами, облетевшими все мусульманство от Касимова до Ташкента, от Перми до Ленкорана о насильственном обращении в православие северных мусульман и замене минаретов колокольнями! Еще один пример, и пока довольно. В видах экономического улучшения края и последовательного привлечения в край русского элемента, — сначала проектируется размежевание башкирских земель, затем льготная раздача русским казенных земель в том же крае — и что же? Меры, которые могли иметь основанием добро, вызывают одна — волнения, усмирения и ссылки, другая — расхищение земель, завершившееся довольно громким скандалом их отобрания, но что всего хуже, что больше всего печалит нас, это зловещий шепот, коснувшийся всякого правоверного уха, о том, что в далеких губерниях отнимают земли мусульман и раздают своим помещикам!

Русские и мусульмане, не имея никакого источника и способа для опровержения, разъяснения или надлежащего освещения подобных нелепостей или часто превратных, ошибочных толкований самых необходимых вещей, едва ли могут понять друг друга, а без понимания сближение, сочувствие, сознание единства останутся всегда явлениями весьма желательными, но сомнительными.

Обращаясь теперь к разрешению поставленного выше вопроса о путях единения мусульман с Россией, посмотрим, можно ли достигнуть этого путем ассимиляционных отношений, можно ли обрусить мусульман?

Прежде всего, наблюдателю нетрудно заметить, что ассимиляционная способность русских должна быть очень слаба, ибо, по крайней мере, мы не могли видеть обруселых инородцев, а, напротив, встречали примеры того, что русские в некоторой степени поддавались влиянию окружающих инородцев, перенимая их язык без оставления, конечно, своего, так же, как и некоторые обычаи, поверья и одежду. Таковые явления можно наблюдать в некоторых приволжских губерниях, в русских поселениях Кавказа и Закавказья. Русские деревни в Крыму отличаются от татарских тем, что там церковь, а здесь мечеть. Мужика по внешнему виду не отличишь от татарина, и только своеобразный выговор татарской речи выдает его русское происхождение. Интересно, что влияние татар распространяется даже на упорных, неподдающихся вообще немцев. Немецкие колонисты Крыма почти все говорит по-татарски, переняли кое-что из незатейливого гардероба татар и в то же время плоховато осваиваются с русской речью.

Хотя мусульмане и лишены высокой европейской культуры как силы для самосохранения, но они в своей религии и проистекающем из нее своем общественном быте имеют весьма крепкую, почти непреодолимую силу сопротивления всяким чуждым влияниям во вред своей национальной индивидуальности. Обыкновенно интерес, выгода — стимул действий человека, но и они бессильны нередко перед убеждениями мусульманина. Например, по всей России вы не найдете мусульманина, торгующего в кабаке и содержащего дом терпимости.

Обратите внимание и изучите все функции любой мусульманской общины в наименьшей ее единице, представляемой приходской общиной. Всякая такая община представляет собою миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма. Община эта имеет свои власти в лице старшин и всего прихода, нуждающиеся в высшем признании, ибо авторитет этой власти — авторитет религиозно-нравственный, ее источник — Коран. Община эта имеет совершенно независимое духовенство, не нуждающееся ни в каких санкциях и посвящениях. Всякий подготовленный мусульманин может быть ходжей (учитель), муэззином, имамом, ахуном и т. д. при согласии общины. Мусульманство, не имея и не признавая сословий, не имеет кастового духовенства. Сословие духовных, установленное русскими законами в некоторых землях мусульман, существует лишь формально, не мешая при нужде отправлять духовные требы и членам других сословий, конечно, подготовленных к тому.

Каждая мусульманская община имеет свою школу и мечеть, содержимые или общиной, или на завещанные на то капиталы и имущества (ваккуфы). Мусульманское мектебе близко соприкасается с общиной и служит дополнением школы семейной, где чуть не с пеленок дитя подвергается неотразимому влиянию отца и матери в деле воспитания в духе ислама, так что ребенок 7—8 лет уже имеет столь сильную мусульманско-племенную закваску, что удивит всякого новичка-наблюдателя и заставит призадуматься рьяного русификатора. Несколько таких общин имеют одну соборную мечеть; несколько десятков их — одно медресе, высшую школу, где концентрируются и имеют источник все познания мусульман, откуда выходят их богословы, законоведы, муллы, ахуны, учителя и вообще ученые. Все эти учреждения и установленные общественные порядки неуклонно и неустанно работают из года в год, поддерживаемые нравственно Кораном и материально общиной и ее богатыми членами, в ожидании награды будущей жизни.

Такая мусульманская община в 10—20 семейств, куда бы ни была заброшена судьбой, сейчас группируется вокруг мечети или школы, совмещаемых нередко в одном и том же помещении, и немедленно для питания себя высшими познаниями примыкает к сфере действий какого-либо ближайшего медресе, куда посылают детей, предназначенных к высшему мусульманскому обучению.

Такие небольшие мусульманские общины, разбросанные отдельными поселками, наблюдаются во многих внутренних губерниях России и, несмотря на вековое сожительство в массе русского люда, не утратили никакой татарско-мусульманской черты, и распространение между ними даже русской речи сравнительно весьма незначительно, и то между мужским полом. Что касается мусульманок, они вовсе не говорят по-русски, за весьма редкими исключениями. Пример весьма поучительный и доказывающий необыкновенную племенную устойчивость татар представляют литовские татары, рассыпанные чуть не в десяти губерниях Юго-Западного и Привислянского края в числе восьми—девяти тысяч душ.

Год тому назад, посетив некоторые губернии Литвы для ближайшего изучения влияния европейской культуры на азиатцев, мы наблюдали жите-бытье деревенских и городских татар Литвы. Надо заметить, что нынешние литовские мусульмане — потомки тех орд татарских уланов, которые нанимались литовскими князьями для борьбы с Польшей как лихие наездники и верные телохранители. Благодаря предоставленным им широким льготам с правом женитьбы на литвинках, часть этого наемного воинства поселилась в Литве. Вследствие того, что жены поселенцев-татар не понимали вовсе по-татарски, уже первое поколение литовских татарчат говорило больше языком матери, т. е. по-литовски, чем по-татарски, так что через несколько поколений татарский язык исчез из употребления, и язык литовский стал национальным языком татар.

Несмотря, однако, на это столь исключительное условие и крайнюю разбросанность поселений, литовские мусульмане сохранили исламизм, как религию, тип и традиции — как татары. Несмотря на массу крайне неблагоприятных условий местности и жизни, они пережили не-

сколько столетий, сохранив свою религию и упорно отстаивая свою индивидуальность. У них такие же мечети, те же обряды, как у прочих мусульман. Правда, по недостатку средств они не имеют мектебов и медресе, но у них существуют подвижные школы — ходжи, переходящие из одной местности в другую, где надо и желают учиться правилам ислама. Каждая семья татар имеет необходимые священные книги с переводами арабского текста на польско-литовский язык. Войдя в дом, в хижину литовского мусульманина, вы непременно заметите на стенах рамки с красиво написанными и раскрашенными изречениями из Корана и вензелевыми именами Аллаха, пророка, Али, Омара и других. Словом, путешествие по Литве убедило меня, что исламизм почти непобедим и что вероотступничество между литовскими татарами — явление столь же редкое, как, например, в Крыму.

Однако, на первый взгляд, литовские мусульмане вовсе не похожи на таковых

Из других стран. Во-первых, большинство их более или менее образовано и очень многие служат в военной и гражданской службе, пользуясь доверием администрации, как нейтральный, надежный элемент края. Так, мне пришлось посетить одну татарскую деревню близ Вильно, где все жители имеют гот или иной орден и все — поручики или майоры и губернские секретари в отставке. Мусульманского затворничества среди них не существует. Понятно, что литвинкам, выходя замуж за татарина, приходилось бороться за свою свободу и, благодаря благоприятным условиям, им удалось воспротивиться созданию «гарема». Ныне тамошнюю мусульманку трудно отличить от коренной польки или литвинки, и только их собственные имена — Фатьма, Айша, Мерием, Зелиха и т. д., при ближайшем знакомстве дают знать их мусульманское происхождение. Обыкновенно литовские татары носят русско-польские имена с фамилиями от татарского корня, как Ахматович, Асанович, Селимович и прочее. Вообще, заметим мимоходом, литовские мусульмане — лучшие татары России и стоят вообще во главе мусульманства по культуре и образованности. Было бы весьма желательно привлечение их к деятельности среди остальных мусульман России. По службе им можно бы дать некоторые льготы для того, чтобы облегчить это, ибо, я думаю, их культурная жизнь послужила бы хорошим примером многим другим мусульманам.

Из приведенных выше заметок видно, что мусульманская община представляет компактную, прочную массу, живущую особой, своеобразной жизнью, влиять на которую в смысле русификации едва ли возможно, если не доходит до геркулесовых столбов всевозможных ограничений, стеснений и прочее. Русификационная система могла бы, например, направить усилия к стеснению, ограничению изучения исламизма: тогда оно укрылось бы в семью, которая никоим образом не могла бы быть контролируема; могла бы затруднить достижение духовного сана, звания; в этом случае пришлось бы бить по воздуху, так как существовало бы более влиятельное, неофициальное духовенство, борьба с которым выходила бы из круга доступной деятельности; могла бы ограничить постройки мечетей, но это было бы бесполезно, так как любая чистая комната, летом любое место могут заменить ее; могла бы стеснять письменность, книгопечатание, — но мусульманство развивалось и живет исключительно рукописями; могла бы сузить деятельность речи, не терпя, не признавая ее, где только было бы возможно, но это, не ведя к цели, вело бы население к ограничению деятельности и раздражению; могла бы...

Но, впрочем, довольно. И помянутые чудовищные мероприятия, если бы они действовали, были бы бессильны в смысле русификации мусульман, но зато, порождая неприязнь, глухую борьбу, обход законов, вызывали бы безнравственность, усугубляли бы невежество мусульман и мало-помалу в борьбе за существование с более просвещенными обществами они неминуемо пошли бы к обеднению и вымиранию, если ход истории не вызвал бы иного кризиса...

Но не к тому должна вести нас великая Россия! Я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, если бы одну минуту сомневался в блестящем будущем моего отечества и живущего в нем мусульманства. Я верую, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства. Цивилизация, родившись на крайнем востоке и постепенно до сих пор продвигаясь на запад, ныне, кажется, начала обратное движение на восток, и на пути ее русские и русские мусульмане, мне кажется, предназначены быть лучшими ее проводниками...

Если цивилизацию Востока водворили на западе римляне и арабы, то, может быть, Провидение предназначало русских и татар к водворению западной на Востоке.

Однако я уклонился от предмета своих заметок. Итак, если мы находим, что обрусение тюрко-татар России невозможно и, следовательно, единение этим путем недостижимо, то, что

же остается? Остается возможность единения, сближения нравственного, на почве равенства, свободы, науки и образования. Достигнуть этого не так трудно, как может показаться с первого взгляда. Подобное единение может быть весьма прочно и не отразится никаким дурным явлением в сфере государственной и экономической жизни нашего отечества, напротив, поведет к быстрому умственному и экономическому преуспеянию областей, населенных русскими мусульманами.

ГЛАВА 4

Если взаимное знакомство, общность идей и интересов связывают отдельные единицы людей, то мне кажется, что те же мотивы отлично могут служить и для единения общественных групп и народностей. Дайте мусульманам возможность знать Россию, ее жизнь и законы, дайте им возможность приобретать познания, которые бы своей живительной струей освежили их затхлое мировоззрение, облегчите доступ к ним новых идей и принципов, — и вы увидите, как быстро оживет, очеловечится и примкнет к русской мысли и жизни дремлющая и апатичная мусульманская масса. Конечно, этого можно достигнуть не крутыми мерами, а прямым и доверчивым обращением к учебным средствам и языку самих мусульман.

Словом, нравственное обрусение мусульман может совершиться путем подъема их умственного уровня и знаний, а это может совершиться только путем признания за татарским языком прав гражданства в школе и литературе. Русские мусульмане не имеют ни науки, ни литературы, ни печати и, полагаю, надо облегчить, поощрить их развитие. Мне, может быть, скажут, что они могут учиться в русских школах и затем пользоваться русской литературой и печатью для своего развития. В отношении единиц — это так, но если дело идет о массах, то бессилие русских школ и науки в обсуждаемом нами вопросе, мне кажется, очевидны и не допускают возражений.

Мне могут сказать еще, что для инородцев-мусульман открываются специальные русско-татарские народные школы для обучения их русскому языку. Увы, я был одним из наиболее ревностных учителей этих недавно народившихся школ, получил одобрение за свою деятельность, потеряв всякую надежду выучить говорить по-русски хоть одного татарина. Может быть, я был плохой учитель, но успехи и других многих сотоварищей моих не дали иных результатов, и мы стоим перед роковым вопросом: выпустили ли в целое десятилетие крымские татарские школы хоть одного татарчонка со свидетельством на знание русской речи?

Что русская школа для татар есть мертворожденное учреждение — это доказывает ее практика, поддерживаемая и теорией дела. Представьте себе округу, волость, населенную мусульманами. Во всей округе по-русски говорит волостной писарь и бывающий там наездом становой. Вот в одной из деревень этой округи открывают русскую школу — земскую или министерскую, это все равно. Нанимается или строится помещение. Население недоумевает, зачем это, к чему это поведет... Вот появляется здесь народный учитель с тощим запасом разных книжек, и начинается лучеиспускание света русской науки и просвещения. Обыкновенно мусульмане посылают детей в школу не ранее 10—12 лет, по окончании ими курса своих мектеб — это их традиция. Учение в сельской школе продолжается не более 5—7 месяцев в году при 2—3-часовом занятии в день... Спрашивается, какие же могут быть при таких условиях результаты обучения русскому языку?

Вспомним, сколько времени и усилий нужно для того, чтобы путем школы, при желании, при отличных преподавателя и руководителях довести русского мальчика или юношу до сколько-нибудь основательного изучения иностранного языка и мы легко пойдем все бессилие инородческой школы, лишённой симпатии почвы и даже сколько-нибудь удовлетворительных руководств. В Симферополе существует татарская учительская семинария для приготовления учителей из татар. В этом закрытом заведении, где татарские мальчики находятся под постоянным наблюдением и руководством опытных педагогов и наставников, окруженные русской прислугой, нужно не менее трех лет, как говорит опыт, усиленное учения по 10 месяцев в году при 7—8-часовом занятии в сутки в классе, чтобы выучить их русской речи настолько, что бы было возможно дальнейшее преподавание предметов курса на русском языке. Если в подготовительном классе закрытого заведения нужно мальчику 3 года дл; усвоения русской грамоты, то ученику народной школы для такого же успех необходимо, сравнительно, не менее 9 лет учения, при желании выучиться со стороны учащегося.

Очевидно, что если бы мы силой задерживали мусульманина в русской школе до 18—19-летнего возраста и успевали выучить его русской речи, то результат был бы сравнительно ни-

чтожный, так как такая школа, как орган зубрения и обременения памяти, не имела бы никакой воспитательного значения, и время для того было бы упущено безвозвратно между тем как, если бы целью инородческой школы поставить исключительную цель всякой школы — воспитание и развитие, и воспользоваться для того родной речью инородца, то время, затраченное теперь на долбление русских слов и фраз ненужных ему в его обиходе, пошло бы на обогащение его ума полезными занятиями элементарных образовательных наук, и мусульмане могли бы получить! толчок к умственному движению: от увидели бы в такой школе реальную пользу, а не нечто туманное и непонятное...

Высшее образование в России немислимо без общегосударственного языка, не ничто не мешает для распространения элементарных знаний (народные школы низшие ремесленные профессиональные школы) пользоваться татарским языком. Этим путем знания проникли бы в массы мусульман быстро; они вместо бесплодного зубрения русских слов, могли бы изучить — что такое Россия и русские (отечествоведение), приобрели бы обще образовательные сведения и некоторые прикладные знания, подвергаясь в то же время воспитательному влиянию своего образованного наставника.

Я решительно не понимаю, что может мешать введению татарского языка в школе. Разве русский язык и наука настолько слабы и не окрепли, что их нужно охранять насчет других языков империи? Если нет, то повторяем, пока элементарные познания не распространятся среди мусульман и не шевельнут их мозгов, до тех пор русская наука и речь будут для них недостижимы. Они не будут знать их значения, не будут чувствовать в них нужды. Инородческие школы будут толочь воду, а русские гимназии и университеты тщетно ожидать и ожидать мусульманских юношей. Мусульманин не подозревает иной книги, кроме Закона Божия, иной науки, кроме богословия. География, история, арифметика и прочее ему вовсе неведомы. В его убеждении русская школа — это мектеб; гимназия и прочее — это русское медресе. А так как он имеет свой мектеб и медресе и желает быть муллой или кадием, а не попом или судьей, то его не интересуют ни русская школа, ни русские книги, которых он, по неведению, даже несколько опасается.

Света, света дайте нам, старшие братья, иначе мы задохнемся, будем разлагаться и заразим местность. Мы, мусульмане, — еще дети, так будьте же разумными педагогами; — говорите с нами так, чтобы мы понимали вас, а не хлопали только глазами. Когда мы поймем вас; когда в своем мектебе мы приобретем первоначальные плоды вашей науки и знаний; когда мы из татарских книг узнаем нашу родину Россию и ее порядки: будьте уверены, у нас явятся и желания, и средства наполнить ваши гимназии и университеты, чтобы трудиться рядом с вами на поприще жизни и науки. А до того мы, не зная ни вашей науки, ни вашей жизни, будем чуждаться, избегать их и не будем сознавать их пользы и значения, несмотря на трогательное красноречие и убеждение чиновников разных неведомых нам ведомств.

Как вы хотите, чтобы человек с завязанными глазами узнал другого и, не зная его, сочувствовал, сближался с ним? Если русская литературная речь оказалась несостоятельной, как орган начального образования среди русских же в Малороссии, то очевидно, что в отношении татар он пригоден еще менее. Земства, после краткого опыта, сознали это и позакрывали открытые для татар школы, и ныне в лице таврического губернского земства ходатайствуют перед высшим правительством о введении в школы преподавания татарского языка. Еще несколько времени — и министерство народного просвещения сознает то же. Позволю себе привести одно соображение, хотя и несколько парадоксальное. Если бы для воспитания и просвещения ввести в русских народных школах преподавание на немецком языке, вместо родного русского, с лучшими учителями и руководствами, то можно ли ожидать практических результатов и скорого просвещения русского мужика? Если нет, то будьте уверены, что русский язык имеет в инородческо-мусульманской школе еще меньше значения.

Школа — орган умственного и нравственного воспитания. Служить чему другому она не может и не должна. Русская речь распространится по Руси не путем нескольких десятков жалких школ, а улучшением, облегчением сообщений, расширением способов труда и торговых, промышленных сношений населяющих ее народов. А для этого прежде всего надо позволить и помогать писать, читать и учиться на родном языке всякому русскому народу, не забывая, что наука одна для всего человечества, что она одна побеждает предрассудки невежества, и только на ее почве последует единение татар с русским славянством.

ГЛАВА 5

Выше мы высказали убеждение, что для единения русских мусульман с русскими, для нравственного их обрусения, если можно так выразиться, следует смело и прямо прибегнуть к их учебным средствам и их собственному языку.

Если мы раз признаем возможность этого, то думаем, что этим путем легко можем влиять на воспитание, умственное развитие мусульман и впустим свежую струю воздуха в затхлую атмосферу их неподвижности и живительный луч света во мрак их векового невежества... Этим путем мы легко и скоро вдохнем новую жизнь в умственную и практическую деятельность ученого (улемы), торгового и сельского класса мусульман, для коих русские воспитательные и образовательные учреждения то же, что для слепого свеча. В этом случае даже образование высшего класса мусульман, каковы первоклассные негодяи из внутренних губерний, беи, мурзы и пр. в окраинах, приобретет более солидное основание. Хотя некоторые члены этого класса ныне показываются изредка, как метеоры, в среднеучебных заведениях военного и гражданского ведомств, но они, за очень немногими исключениями, возвращаются восвояси с третьего или четвертого класса...

В течение столетия из крымских мусульман только один кончил курс в кадетском корпусе и один окончил курс в университете. Мы не смогли собрать точных цифровых данных об успехах в этом отношении мусульман в других местностях России, но можем сказать, что и там результаты не более блестящи.

Не можем не привести здесь еще одно замечание, которое вполне заслуживает внимания и дальнейшего наблюдения. Мусульманин по простоте и патриархальности своего быта, по чистоте внушаемых ему с детства религиозно-нравственных принципов, чуждый хитрости и лицемерия, которыми он гнушается, человек честный. Солидно образованный мусульманин к хорошим качествам заурядного присоединяет более широкие, гуманные взгляды на вещи; наука и знания, не колебля в нем мусульманских основ и симпатий, освещают, гуманизируют его воззрения, уничтожая, конечно, предрассудки и суеверия. Но те мусульмане, которые волей судеб, так или иначе, освоят какой-либо иностранный язык и приобретут внешний лоск европеизма, без солидной научной подкладки, увы, эти люди почти потеряны для полезной, деятельной жизни. Это — люди, потерявшие хорошие качества своего племени и усвоившие дурные качества другого. В молодости они обыкновенно люди дешевых свободных принципов, поклонники Бахуса и Венеры, на старости лет они отвратительные ханжи и лицемеры, усердно отмаливающие грехи молодости в борьбе со всякой новизной и светом действительного знания и прогресса. Этот печальный тип мусульман я наблюдал среди нас, русских мусульман, среди арабов и очень много среди турок.

Избави нас Бог от таких плодов цивилизации и языкознания. Не языкознание развивает мозги, а научная подкладка воспитания: не русский язык вдохнет новую жизнь в русское мусульманство, а наука, которая должна быть передана им наилегчайшим и действительным образом.

Выше мы сказали, что следует обратиться к учебным средствам самих мусульман и их языку. Мектебов, т. е. начальных школ, мусульмане имеют столько, сколько нужно. Высших школ-медресе, — представляющих в одно и то же время нечто вроде духовных академий, учительских семинарий и общеобразовательных заведений, — есть достаточно. Все духовенство и ученые (улемы), все учителя (ходжи) начальных школ (мектебов) суть создания медресе, которое есть единственный источник мусульманского знания, нравственности и добра. Влияние медресе на мусульманское общество и весь строй его жизни и мыслей несравненно сильнее, непосредственное, чем влияние любого университета на европейское общество.

Мектебы и медресе, как учреждения, пустившие глубокие корни на мусульманской почве и вросшие в нее, а не наложенные на нее сверху, каковы инородческие народные школы, имеют важный авторитет у мусульман, пользуются их симпатией и доверием и освящены вековыми традициями. Было время, — и об этом смутно знают почти все грамотные мусульмане, по крайней мере 50—60% их, — когда мусульмане учились в своих медресе — ильми-тыбие (медицина), ильми-икмет (физика), ильми-кимья (химия), ильми-набо-дат (ботаника), ильми-нуджум (астрономия), ильми-эндесе (геометрия) и проч. Это смутные воспоминания и предания о медресе арабов времен блестящей эпохи их калифатств, когда в Багдаде, Кордове и других городах мусульманского Востока были медресе с 20—30 профессорами (мудерисы, муальимы), преподававшими разные умозрительные и опытные науки. Программа же теперешнего татарского медресе — арабский книжный язык, теология и схоластика. Метод преподавания: долбление и зубрение — зубрение и долбление!

Мне кажется, что русские сослужат великую службу отечеству и человечеству, воскресив для своих мусульман на русской почве славные арабские медресе, давшие в свое время столько знаменитых тружеников науки и мысли. Дать этому делу толчок будет не трудно и не дорого. Надо лишь подвергнуть небольшим преобразованиям 9—10 медресе по России в таких мусульманских центрах, как Казань, Уфа, Оренбург, Астрахань, Ташкент, Самарканд, Баку, Нуха и Бахчисарай, чтобы поставить дело умственного развития русских мусульман на прежнее основание. Все преобразованные медресе могли бы именоваться «великими» или «перворазрядными» в отличие от непреобразованных, и можно бы дать их «сохтам» (студентам) некоторые преимущества и права. Сутью преобразования должно бы, по нашему мнению, быть введение в курс этих медресе преподавания элементарных, общеобразовательных наук на татарском языке (сокращенные курсы географии, истории, естественных наук, арифметики с планиметрией, основания педагогики и краткое русское законоведение). Преподавателями могли бы быть лица, получившие образование на восточном факультете университета или в Лазаревском институте Восточных языков.

За руководствами серьезной остановки быть не могло бы. По три преподавателя, из коих один в то же время в качестве мудариса-директора, нам кажется, было бы достаточно для одного медресе. Это нововведение могло бы стоить (жалование учителей и учебные пособия) по 7—8 тысяч на каждое медресе, а на все 10 медресе важнейших центров потребовалось бы до 80 тыс. Допуская даже до ста тысяч расхода в год для десяти медресе, мы находим этот расход, для которого можно установить специальный сбор с мусульман по образцу бывшего татарского сбора в Крыму, ничтожным, сравнительно с блестящими результатами, коих можно ожидать. В какие-нибудь пятнадцать лет русское мусульманство, вместо нынешнего невежественного духовенства, имело бы развитое духовенство, образованных улемов; вместо нынешних тупых учителей (ходжей), — подготовленных к своей деятельности и развитых педагогов; и тогда можно бы поднять курс начальных училищ — мектебов до уровня требования времени и ввести в них лучшие, усовершенствованные методы преподавания, вместо существующих ныне долбления и палки.

Этим путем быстро проникли бы в массу русские, или лучше сказать, общечеловеческие, гуманные идеи и знания. Раз пробужденная любознательность вызвала бы среди татар сознательное, а не принужденное из-под палки стремление к просвещению. Тогда само мусульманство искало и создавало бы средства к изучению русской речи, чтобы ближе стать к науке и знаниям. Тогда не существовало бы настоящего недоверия к русскому просвещению, апатичного равнодушия к русской науке. Мусульмане убедились бы в том, что есть еще чему учиться кроме священного писания арабов... Тогда русские гимназии и университеты приобрели бы значение в глазах мусульман, их отчужденность, недоверие и апатия, эти следствия неведения, рассеялись бы как туман.

Подумайте, читатель, может ли от такой постановки дела пострадать русский язык и наука и не выиграет ли отечественное образование и общечеловеческая культура?

Что касается до значения собственно татарской речи, как средства к приобретению познаний, мы должны заметить, что 50—60% мусульман и мусульманок могут читать свободно по-татарски, тогда как по-русски прочесть и понять едва ли может один из тысячи из них. Поэтому не практично ли, не обязательно ли, в интересах общественного блага и государства, воспользоваться этим обстоятельством, этой татарской грамотностью, этой распространенной между мусульманами письменностью, как проводником полезных сведений, отечествоведения и пр. в мусульманскую массу. Не следует ли облегчить, поощрить развитие печати среди татар? Разве было бы дурно, если бы распоряжения правительства и общественных учреждений имели возможность доходить до сведения многочисленных мусульманских подданных России в форме понятной им речи? Сколько бы недоразумений, убытков и несчастий можно бы избежать этим путем! Мне могут заметить, что русский мужик тоже ничего не читает, ничего не знает, но живет себе. Но, во-первых, он живет очень плохо и терпит очень много от того, что ничего не читает; во-вторых, как бы то ни было, ему в силу одного уж его происхождения, его исторической традиции русские порядки и жизнь ближе знакомы, чем мусульманину, имеющему иные условия жизни, иные воззрения.

Вот почему особенно важно знакомить мусульман с русскими порядками, понятиями и жизнью. Тут-то татарская письменность и грамотность окажет большую услугу, если не будем пугаться призраков и не будем преважно и пресерьезно играть в политику там, где нужно ис-

кренне приняться за дело и учить, сеять добро и правду, не стесняя себя воображаемыми препятствиями и опасениями. Под владычеством Англии в Индии зародилась и развилась ныне значительная туземная литература и периодическая печать, которая, служа интересам прогресса, нисколько, как видно, не вредит ни англичанам, ни их языку; иначе, наверно, англичане не поцеремонились бы задушить в зародыше туземное слово и печать... Закавказская администрация, кажется, сознала значение туземного языка в деле воспитания и управления краем. Благодаря ее практически верному взгляду на вещи и при ее помощи в Тифлисе зародилось и крепнет татарское печатное слово в лице «Зия-и-Кавказ» (луч Кавказа), приносящее местному населению громадную пользу разъяснением и сообщением на татарском языке необходимых сведений и правительственных распоряжений, и которое, в случае распространения каких-либо вредных слухов, будет отличным средством для их опровержения. Кажется, польза очевидная, и много говорить излишне.

Резюмируя высказанные нами мысли относительно сближения мусульман с русскими и ознакомления их с Россией, мы выразим эти мысли в следующих положениях:

- 1) незнание, отсюда недоверие мешают сердечному сближению русских мусульман с Россией;
- 2) распространение отечествоведения и знания среди мусульман посредством русского языка почти невысказуемо; русские учебные заведения не привлекают даже одного из сотни мусульман высшего сословия, не говоря о прочих;
- 3) если ввести в курс мусульманских медресе элементарное преподавание наук на татарском языке, — то это облегчит доступ знаний в мусульманскую среду без всякого вреда для государства и быстро поднимет умственный уровень духовенства, среднего сословия и рассеет многие дурные предрассудки;
- 4) облегчение условий печатного дела на татарском языке, ввиду значительной грамотности татар, быстро распространит между ними необходимые полезные и практические сведения, почему необходимо покровительствовать и поощрять всякие издания на мусульманских наречиях;
- 5) было бы очень полезно, а потому и желательно, в областях с татарским населением иметь в судах толковых штатных переводчиков, чтобы избавить мусульман от больших потерь и нередко несчастий, охлаждающих их к отечеству, и необходимые распоряжения и извещения публиковать в местных ведомствах при русском тексте с переводом на туземный язык; и, наконец,
- 6) от этих мероприятий ни интересы русского языка, ни интересы государства никоим образом страдать не могут.

Заканчивая настоящие заметки, позволю себе обратиться к образованной мусульманской молодежи. Братья, примитесь серьезно за дело народного образования: при помощи и содействии просвещенных русских обсудим лучшие способы к тому. Выучитесь самому — достоинство, но передать незнающему свое знание еще большее достоинство и благое, святое дело. Наша религия учит, что добро можно творить трояко: трудом, словом и подаянием, — и то, и другое, и третье одинаково угодны Богу и благородны: бедный помогает ближнему работой, ученый — поучением, богатый — подаянием. Итак, вы выучились, приобрели знания и добрые правила: не храните их лишь при себе, постарайтесь передавать ваши знания ближним, соплеменникам; переводите на татарский язык хорошие русские книги, пишите для бедных, темных татар, старайтесь открывать и улучшать школы, распространять искусства и ремесла. В этом святом деле, надеюсь, просвещенные муфтии Таврический и Казанский окажут вам должную помощь и содействие своим влиянием и знанием. Это, братья, будет честно и благородно, и если не теперь, то в будущем народ благословит ваше имя, памятуя священное изречение великого Алия, что «чернила ученого столь же достойны уважения, как и кровь мученика».

1 июня 1881 года. Бахчисарай.

КРАСНЫЙ ИСЛАМ

КРАСНЫЙ ШИИЗМ — РЕЛИГИЯ САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ

ЧЁРНЫЙ ШИИЗМ — РЕЛИГИЯ СКОРБИ

Во имя Бога Милостивого, милосердного!

Ислам — это религия, начавшая свою историю с крика «Нет» начиная от Мухаммада (да пребудет мир с ним), наследника Авраама. Проявление религии единственности Бога и единственности человечества, это протестное «Нет» является лозунгом, который ислам использует, когда необходимо противостоять неравенству и компромиссу.

Шиизм — это дифференцированный Ислам, который начинает и избирает своё направление в истории с радикального протеста, это Али, наследника Мухаммада (это — «Нет» Али, которое он даёт в ответ Абдуррахману на собрании по избранию халифа, олицетворявшего «исламскую» аристократию и компромисс). Это «Нет» вплоть до сафавидских времён являлось неотъемлемой частью шиитского движения в истории ислама, отличительным знаком социальной и политической группы последователей Али известных за свою приверженность традициям семьи Пророка. Это движение (Шиизм) основано на Коране и Сунне, но не Коране и Сунне Омейядов, Аббасидов, Газнавидов, Сельджуков, Монголов, и Тимуридов, но на Коране и Сунне, завещанными нам Мухаммадом (да пребудет мир с ним) и людьми его дома.

Исламская история избрала странный путь. Преступники и бандиты, арабы, персы, турки, татарские и монгольские династии, — все они в разные исторические периоды правили мусульманами, являлись обладателями власти, все — за исключением семьи самого Пророка, непорочных имамов. Шиизм начинается с протеста «Нет», это «Нет» пути, который избирает история, восстание против истории. Шиизм выступает против истории, которая во имя Корана, Королей и Цезарей следует путём невежества, во имя Сунны приносит в жертву тех, кто вырос и был воспитан в обители Корана и Сунны!

Шииты не принимают пути, по которому пошла история. Они не принимают правителей, которые были властителями мусульман на протяжении истории и обманули большинство людей, борясь с язычниками и, завладев правом на халифат. Шииты отворачиваются от богатых мечетей и роскошных дворцов мусульманских халифов и поворачиваются к одинокому, бедному дому Фатимы (да пребудет мир с ней). Шииты, олицетворение угнетённых, класс взыскующих правосудия в системе Халифата, они находят этот дом и тех, кто в нем.

Фатима: Наследница пророка, олицетворение «прав угнетённых» и в то же время символ и явное воплощение «ищущих справедливости». В правящей системе это лозунги и манифесты униженных народов и угнетённых классов.

Али: Олицетворение справедливости во имя угнетённых, идеальное воплощение Истины, принесённое в жертву на алтаре несправедливых режимов.

Хасан: Олицетворение последнего сопротивления чистого имамитского Ислама, в оппозиции к Халифату.

Хуссейн: Свидетельствует во имя всех тех, кто был убит правителями, тиранами на протяжении истории, наследник всех лидеров-повстанцев, взыскующих справедливости и сражающихся за свободу и равенство, начиная от Адама (да пребудет мир с ним), навсегда посланник самопожертвования (шахадат), воплощение кровавой революции.

Зейнаб: Свидетельствует о всех беззащитных заключённых в системе палачей, посланница, оставшаяся в живых после мученической смерти Имама Хуссейна (да пребудет мир с ним), воплощение послания революции.

Мы видим, что на протяжении почти восьми веков (до эпохи Сафавидов), шиизм Алавитов (последователи Али) был гораздо более, чем просто революционное движение в истории, стоявшее в оппозиции самодержавным режимам Омейядов, Аббасидов, Газнавидов, Сельджуков, Монголов, Тимуридов, которые воплотили в жизнь суннитскую концепцию Исламской власти.

Шариати Али (1933-1977). Мусульманский философ, второй по значимости и влиянию, после имама Хомейни, идеолог Исламской революции в Иране. Выступал с адресованным мусульманским странам проектом модернизации без вестернизации на исламской почве. Призывал суннитов и шиитов к преодолению противоречий на основе общности проблем и ответственности за судьбу ислама. Представлял ислам как универсальный надкультурный революционный проект. Указывал на необходимость диалога радикального ислама с западными левыми неконформистскими силами.

Как и любая революционная идеология, шиизм имел хорошо организованную, информированную структуру, ясную идеологию, конкретные манифесты и хорошо продуманную структуру...

На протяжении истории, в то время как увеличивались влияние и сила правителей, одновременно возрастали несправедливость, узурпация власти, ущемление прав народа и эксплуатация. Классовое неравенство стало ещё более явным из-за существования аристократической системы, идеологических предубеждений, обнищания масс, и в то же время силы и богатства правителей. Когда это случилось, шиитский фронт стал ещё сильнее, основные лозунги шиитов стали более убедительными, а борьба шиитов стала более интенсивной и целенаправленной. Шиизм больше не представлял собою просто идеологическую школу или мазхаб, или некую форму религиозного сектанства, что привлекало бы интерес интеллектуалов и исследователей. Шиизм стал путём для истинного понимания Ислама и распространения учения Имамов непорочного семейства Пророка. Несмотря на влияние, которое оказали на Ислам греческая философия и суфизм восточных школ, Шиизм продолжает оставаться единственным истинным, религиозным, революционным, социально-политическим и оппозиционным движением. Вот почему он вызывает такой страх у правителей-аристократов, лицемерных религиозных лидеров, которые правят мусульманами во имя Корана и Сунны.

Именно по этой причине псевдоинтеллектуалы и вольнодумствующие правители, при дворе которых евреи, шарлатаны и материалисты, пользуются почётом и уважением, говорят о шиитах с такими ненавистью и раздражением, что даже уничтожение всех шиитов показалось бы им недостаточным. На протяжении истории, после смерти Пророка Ислама (да пребудет мир с ним), шииты подвергались постоянным гонениям: их мучили, пытали, выкалывали глаза, вырывали языки, сжигали живьём...

Религиозная идеология суннитского мазхаба, который с самого начала утвердился как «правительственный ислам» (Халифат), превращается в смешение предубеждений и жестокого, несправедливого правления. Такой Ислам становится средством оправдания бесчеловечных преступлений для правителей. Именно такая система позволяет исламу идти на компромисс с деспотическими режимами Газнавидов, Сельджуков и монголов. Такой ислам, как псевдорелигия, превращается в опиум для масс, в инструмент убийства для предотвращения свободомыслия.

Призыв и послание шиизма кроются в двух вещах — имамате и справедливости (по-арабски — Адль). Это источники вдохновения — именно эти принципы не позволят забыть Ашуру — события в Кербеле — трагическую, мученическую смерть Имама Хуссейна (да пребудет мир с ним) и будут причинами неповиновения масс несправедливым правителям. Шиизм призывает к ожиданию скрытого Имама Махди (да ускорит аллах его возвращение!). Именно здесь поднимаются такие важнейшие, актуальные вопросы, как «знаки конца времён». Благодаря этому в сердцах продолжает жить надежда на «искупление и прощение после принятия мученической смерти — шахадат». Шиизм — это идеология восстания, неугасающая вера в поражение тиранов. Эта идеология подготавливает всех угнетённых и жаждущих справедливости к соучастию в восстании и революции. Были времена, когда в некоторых городах, таких, как Кашон и Сабзевар, где шиитское движение особенно сильно, обычно по пятницам седлают белую лошадь, и все люди города — протестующие, недовольные, следуют за ней, создавая процессию, несмотря на все протесты со стороны правительства. Все эти революционеры-шииты жаждут искупления и свободы от тирании, ожидая начала восстания. Они обсуждают вопросы, которые вызывают страх у правителей.

В первой половине VIII-го столетия вслед за кровавыми преступлениями Чингис-хана, когда монголы захватили Иран и заставили иранцев повинаться им, когда месть Чингис-хана стала законом, а меч и виселица основными средствами имплементации закона, монгольские правители призывали массы к подчинению во имя Корана и Сунны. На протяжении истории мусульманские псевдоправители продолжали следовать за Чингис-ханом в идеологическом отношении.

Вот что заставило Шиизм в тот период возникнуть именно как источник противостояния и борьбы униженных и угнетённых масс, особенно простых обездоленных.

И это была последняя волна Алавитского Шиизма, Красного Шиизма, который существовал семьсот лет и был неугасающим пламенем Духа Революции, поиском и жажды свободы и справедливости, всегда отстаивающим интересы обездоленных и ведущим борьбу против узурпаторства и тирании, невежества и нищеты.

ОСНОВЫ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА

ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Общераспространенным заблуждением является тот факт, что ряд существующих государственных систем считаются исламскими. В результате, дискуссии на тему исламского правления ведутся исходя из хороших и дурных качеств данных государств. В действительности же ярлык исламского государства невозможно приклеить ни к одной из форм правления, преобладающих в настоящий момент в мире.

Исламское государство не является ни деспотическим, ни диктаторским, т. е. играющим жизнью народа, повинуюсь прихотям деспотов либо диктаторов. Диктаторские режимы устраивают массовые убийства противников и поощряют любимчиков. Именно такой властью, как правило, располагают диктаторы и короли. Но ведь подобной властью не пользовались даже Пророк (да благословит Аллах его и его семейство), его халифы и Хазрат Амир (Али).

Исламскому государству не свойственна парламентская форма правления, когда народ избирает из собственной среды некую группу, которая вводит законы и навязывает их народу; но Исламское государство не связано и с президентской формой правления, когда народ избирает президента, который вместе со своими сотрудниками разрабатывает законы и также навязывает их народу.

ПРАВЛЕНИЕ ЗАКОНОВ АЛЛАХА

Если искать правильное обозначение Исламского государства, то лучшим из известных ярлыков было бы «правление Закона», и такой Закон не создается человеком или же какой-то группой, но он создан Творцом, Всемогущим Аллахом. Закон этот в равной мере применим и к главе государства, и к членам парламента, и к исполнительной власти, и к судебной власти, и к народу.

В исламской форме правления Пророк (да благословит Аллах его и его семейство), халифы и все остальные руководствовались законом Аллаха, и процесс этот будет продолжаться до Страшного суда. Этот Закон Аллаха явлен на языке Священного Корана через Пророка (да благословит Аллах его и его семейство), который стал главой Исламского государства через непосредственное Водительство Аллаха. Он (да благословит Аллах его и его семейство) не был ни главой Государства для себя, ни самозванным главой, назначенным ради формирования Правительства.

Подобным же образом, поскольку было возможно, что после него (да благословит Аллах его и его семейство) в мусульманской нации будут разногласия, было сочтено необходимым устроить Халифат. Итак, ислам требует такого правления, которое на каждом шагу будет повиноваться Закону Аллаха. В действительности Закон этот и есть подлинный властелин человеческого общества. И какая бы власть ни была жалована Пророку (да благословит Аллах его и его семейство) или Халифам, она была от Аллаха.

Когда бы Пророк (да благословит Аллах его и его семейство) ни объяснял что-либо и какое бы распоряжение ни заповедовал, это всегда происходило в согласии с Законом Аллаха. Поэтому ислам — имя Закона, следовать которому обязано все человечество. В любом Исламском государстве и глава Государства, и все его подданные без исключения обязаны следовать Закону Аллаха и применять его. В действительности покорность согласно Пророку (да благословит Аллах его и его семейство) есть покорность согласно Заповеди Аллаха. Ибо сказано в Священном Коране: «Повинуйтесь Пророку (да благословит Аллах его и его семейство)». Те, кто руководят делами народа согласно Закону Аллаха и повинуются судьям, т. е. в соответствии с обычной терминологией осуществляют Правление, делают так из-за повеления Аллаха. Как сказано в Священном Коране: «И повинуйтесь тем, кто во власти среди вас». Тут нет места для какого-то мнения какого бы то ни было индивида. Все с необходимостью происходит под водительством Воли Аллаха.

Хомейни Рухолла (1898-1989). Аятолла (высший духовный титул шиитов Ирана). Лидер Исламской революции 1979 г. и установившегося после ее победы политического режима в Иране

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАВЫ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА

Правление, при котором подлинным властелином является Закон, логически требует, чтобы глава Исламского государства знал Закон досконально. В мусульманской нации по этому поводу различия во мнениях не было даже после кончины Пророка (да благословит Аллах его и его семейство). Любая глава Исламского государства обязан был ознакомиться с Законом. Если между вождями и были какие-то разногласия, то лишь по вопросу о том, кто знал больше. Наши религиозные вожди тоже следовали тому же принципу, согласно которому имам должен быть ученым, и единственное разногласие между ними лишь в том, кто более учен.

Другая характеристика главы Исламского государства — то, что он должен быть справедливым. Иными словами, он должен быть сторонником справедливости и не быть несправедливым и дурным. Логическая необходимость Исламского государства заключается в том, что человек, который обладает властью претворять законы в жизнь, вести многочисленные дела Байт уль-Маль (Правительственного казначейства) и надзирать за делами мусульман, не должен быть воплощением зла. «Мое обетование не достигнет тиранов», — говорит Аллах. Отсюда шиитское верование, что в период отсутствия имам должен быть ученым. Он должен досконально знать законы ислама и справедливо претворять их в жизнь.

ПОРЯДКИ В ПЕРИОД ОТСУТСТВИЯ

Согласно шиитскому верованию, халифа должен назначать Пророк (да благословит Аллах его и его семейство). Прикрываясь этим верованием, некоторые противники ввели в заблуждение умы народа, утверждая, что поскольку после невидимого имама явился имам видимый, устраивать Исламское правительство нет необходимости, и мусульмане могут иметь Правительство по их собственному выбору. Это совершенно неправильное представление. Несомненно, что при отсутствии имама сего времени Аллах никого не назначил руководить Правительством, но означает ли это, что необходимость ислама отменена? Разве исламу суждено было продлиться всего 200 лет? Согласно этой логике, теперь уже не требуется устанавливать и осуществлять ни порядки ислама, ни его социальные законы, ни его экономический строй; итак, получается, что все это стало для человечества уже не полезным, а вредоносным?

Если предписания ислама ликвидированы, а границы мусульман утрачены, то пусть так и будет, а мы, мусульмане, должны сидеть сложа руки, как это продолжается теперь! Враги ислама делают все, что им заблагорассудится, мы же не должны даже защищать исламские законы, если не можем претворить их в жизнь!

Если это произойдет в период отсутствия имама или если необходимо иметь Исламское государство, которое сможет реализовать свой Исламский характер, Исламские молитвы и Исламский уголовный кодекс, чтобы мусульмане смогли остаться мусульманами и следующие их поколения тоже, то да будет так. Если эта необходимость пока еще останется такой, какой она была до невидимости имама века сего, то тоже необходимо учредить такое государство, глава коего обладал бы знанием Исламского закона и способностью справедливо претворять его в жизнь. Умма никогда не была лишена таких людей, и даже теперь, если народ приложит старания, он, несомненно, сможет найти того, кто возглавит Исламское правительство.

ВЛАСТЬ УЧЕНЫХ И СПРАВЕДЛИВЫЙ ГЛАВА ГОСУДАРСТВА

Если возникнет Правительство, глава которого будет обладать знанием Исламских законов и способностью претворять их в жизнь, то Правительство это будет иметь право получить те же права от народа, что имело Правительство Пророка (да благословит Аллах его и его семейство), и для народа будет обязательным повиноваться этому Правительству.

И здесь не должно быть никакой клеветы, будто (да запретит Аллах) мы пытаемся посягнуть на славный статус Пророка (да благословит Аллах его и его семейство) или Амира, как обыкновенно утверждают наши враги и неверующие мусульмане, чтобы по этим поводам смутить умы народа. Дела Правительства не имеют ничего общего с личной славой. Но если Пророк (да благословит Аллах его и его семейство), а после него халифы руководили коллективными делами народа, то последующие главы Исламских государств, следовавшие за ними, тоже имеют те же права. Они должны организовывать войско, назначать состав правительственных учреждений, собирать доходы и работать на общее благосостояние народа, как делали они —

Пророк (да благословит Аллах его и его семейство) и халифы. Условие то же самое: они (главы Исламских государств) должны быть учеными и справедливыми.

Подводя итоги, мы утверждаем, что в настоящее время никто не назначен на основании Откровения, но цель определена, и ее необходимость в последнее время стала тем более существенной. Вероятно, что имам века сего не вернется в течение длительного времени. Мы не ведаем Воли Аллаха, и может произойти так, что имам вернется в День Страшного суда, что явствует из преданий. Означает ли это, что предписания ислама останутся отложенными до тех пор? Может ли разум согласиться с упадком Исламского характера, Исламских молитв, Исламских законов и Исламских наказаний и пользоваться снисхождением Аллаха, Пророка (да благословит Аллах его и его семейство), халифов и имама? Возможно ли нам сохранять спокойствие, видя исчезновение Исламских законов? Посему существенно необходимо иметь Исламское правительство ради того, чтобы претворять в жизнь Исламские законы и не давать антиисламским силам проникать в мусульманские страны, чтобы сбивать мусульман с пути истинного. Эта цель не может быть достигнута без учреждения Правительства, основанного на Исламском законе. Однако те, кто будет руководить Исламским правительством, должны быть честными, добродетельными и справедливыми мусульманами. От правителей, являющихся тиранами и не обладающих властью претворять Исламский закон в жизнь, пользы нет.

ПОСЛАНИЕ ИМАМА ХОМЕЙНИ МИХАИЛУ ГОРБАЧЕВУ

Во имя Аллаха Милостивого!

Ваше Превосходительство, господин Горбачев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, примите пожелания благополучия и счастья Вам и Вашему народу. С Вашим приходом к власти ощущается новый подход к анализу мировых политических событий и, в особенности, к вопросам, касающимся Советского Союза. Ваша смелость и дерзание в подходе к реальным мировым событиям могут стать источником преобразований, которые изменят общую ситуацию в мире. Поэтому я счел необходимым привлечь Ваше внимание к некоторым проблемам.

Возможно, что круг Ваших размышлений и новых решений не выйдет за пределы попыток преодоления внутривластных трудностей, а также вопросов, касающихся исключительно Вашего народа. Однако даже в этом случае Ваша смелость в пересмотре учения, которое долгие годы держало за железной стеной революционных сынов мира, достойна всяческой похвалы и одобрения. Однако если Вы решите дальше пойти по этому пути, то первым делом, которое, несомненно, послужит успеху Вашего начинания, будет пересмотр политики Ваших предшественников, заключавшейся в отречении общества от Бога и от религии, что, безусловно, нанесло сильнейший удар народу советского государства. Знайте, что нет более объективного подхода к мировым событиям.

Конечно, неправильные методы и ошибочные действия прежних коммунистических руководителей в сфере экономики привели к тому, что Вам явился цветущий сад Запада и заморозил Вас, но знайте, что истина не там. Если Вы пожелаете на этом этапе распутать только клубок экономических проблем социализма и коммунизма, обратившись с этой целью к очагам капитализма на Западе, то не только не излечите свое общество от недугов, но придете к тому, что другие будут вынуждены исправлять Ваши ошибки, ибо если ныне марксизм зашел в тупик в своих экономических проблемах, то и западный мир погряз в тех же проблемах, только в другой форме и других сферах.

Господин Горбачев! Вам следует обратиться к истине. Основная проблема Вашей страны лежит не в вопросах собственности, экономики и свободы. Ваши трудности заключаются в отсутствии истинной веры в Бога, и это ведет, и будет вести Запад в трясину пошлости, в тупик. Ваша основная трудность заключается в тщетной длительной борьбе против Бога, основного источника бытия и всего сущего.

Господин Горбачев! Всем ясно, что отныне коммунизм следует искать в музеях политической истории, ибо марксизм не отвечает ни одной из истинных человеческих потребностей, потому что это материалистическое учение, а материализмом нельзя спасти человека от кризиса веры и духовности, который является главной болезнью человеческого общества на Западе и на Востоке.

Господин Горбачев! Возможно, Вы еще не отвернулись от марксизма, доказывая его правоту, и впредь будете говорить о своей вере в него. Однако Вы и сами понимаете, что это недоказуемо. Первым нанес удар по коммунизму вождь Китая, второй, видимо, и последний удар нанесли Вы. Ныне уже не существует в мире того, что называется коммунизмом. Однако я настоятельно призываю Вас к тому, чтобы, разрушая здание марксистских иллюзий, Вы не оказались в плену Запада и Большого Дьявола («Большим Дьяволом» имам Хомейни называл США. — ред.) Надеюсь, что Вы удостоитесь великой чести того, кто сметет со страниц мировой истории и истории Вашей страны последние следы загнившего коммунистического мира, существовавшего 70 лет. Отныне союзные Вам государства, сердца руководителей которых верны своей родине и народу, уже никогда не пойдут на то, чтобы растрчивать более свои природные ресурсы на доказательство успехов коммунизма, хруст костей которого уже услышан потомками.

Господин Горбачев! Когда с минаретов мечетей в некоторых Ваших республиках семьдесят лет спустя, раздалось «Аллах Акбар!» и свидетельство о пророческой миссии Последнего Посланника Аллаха (да благословит Аллах его и род его!), все исповедующие подлинный Ислам Мухаммада заплакали от восторга. Поэтому я счел необходимым вновь призвать Вас обратиться к размышлению относительно материалистического и божественного мировоззрений.

Материалисты избрали критерием познания ощущение. Они выносят ощущение за рамки науки, а бытие считают тождественным материи и отрицают нематериальное. Следовательно, они считают фикцией существование Всевышнего, Божественное Откровение, Пророчество и День Страшного Суда. Тогда как критерием познания в божественном мировоззрении являются ощущение и разум. Разумное подвластно познанию, даже если оно не дано в ощущении. Поэтому бытие распространяется на объективно существующее и невидимое, которое может существовать вне материи. Так же, как материальная сущность воплощается в отдельном объекте, эмпирическое познание опирается на разум. Священный Коран критикует основу материального мышления и тех, кто считает, что если Бог невидим, то он не существует на самом деле. Такие люди говорят: «Мы тебе не поверим, пока лик Господень не увидим». Коран отвечает: «Не постигают Его взоры, а Он постигает взоры, Он пронизателен и сведущ». Оставим Священный и Благословенный Коран и его объяснения по поводу Откровения, Пророчества и Страшного Суда, поскольку для Вас это лишь начало пути. Я вовсе не хотел вводить Вас в лабиринты философских проблем, особенно проблем исламской философии, и поэтому ограничусь лишь несколькими простыми примерами, исходящими из самой сущности и совести человеческой, которые могут быть полезны и для политиков.

Очевидно, что материя и материальный предмет — какими бы они ни были — не осознают сами себя. Каждая сторона каменной скульптуры или материального образа человека не ведаёт о другой стороне. Однако очевидно и то, что человек или животное осведомлены о своем окружении. Они знают, где находятся и что происходит в окружающем их мире. Следовательно, в человеке и животном заключено нечто более высокое, чем материя, и отличное от нее. Это нечто не исчезает с гибелью материи и продолжает свое существование: плоть, прекратив свое существование, одухотворяется и живет.

Человек по своей природе пытается во всем достичь абсолютного совершенства. Вы хорошо знаете, что человек стремится к абсолютной власти и его не удовлетворяет несовершенная сила. И если он станет властелином мира, то узнает о существовании другого мира и будет стремиться к тому, чтобы завладеть и этим миром. Какой бы ученой степени он ни достиг, все равно, узнав о существовании других наук, он захочет изучить эти науки. Следовательно, должны существовать абсолютная власть и абсолютное знание, которые притягивают человека. Это и есть Всемогущий Бог, к которому мы обращаемся, сами того не ведая. Человек стремится к абсолютной истине, чтобы раствориться в ней, в Господе. И вообще, стремление к вечной жизни заложено в каждом человеке, и оно свидетельствует о существовании бессмертного мира.

Если Ваше Превосходительство пожелает исследовать эти проблемы, Вы можете дать указание специалистам обратиться не только к западным источникам, но и к трудам Фараби и Абу Али ибн Сины (да успокоит Бог их души!) в качестве последователей Аристотеля, чтобы уяснить, что закон причинно-следственной связи, составляющий основу познания, постижим разумом, а не ощущением, а также пониманием общего смысла и общих закономерностей, на которые опирается любое рассуждение. Они могут обратиться также к книгам Сохраварди (да благословит его Бог!), последователя мудрого учения Платона, чтобы прояснить, что «материя и любой другой материальный объект нуждаются в истинном Свете, не достигаемом для ощущения, а эмпирическое знание человека о самом себе не нуждается в материальных проявлениях». Вы можете попросить их обратиться к возвышенному учению Муллы Сафра, дабы понять, что «истинное знание есть сущность, не зависящая от материи, и любое размышление нематериально и не подчиняется правилам материи».

Не буду больше утомлять Вас выдержками из философских трактатов и не стану говорить, в частности, о Мухеддине бен Араби, ибо, если Вы пожелаете изучить труды этого великого человека, направьте к нам в Кум несколько компетентных и сведущих в этой области лиц, чтобы они смогли за несколько лет познать всю тонкость и глубину этих наук, ибо истинное познание без такой поездки не представляется возможным.

Уважаемый господин Горбачев! Изложив эти проблемы в качестве введения, прошу Вас обратить особое внимание и со всей серьезностью подойти к исследованию Ислама, и не только

потому, что Ислам и мусульмане нуждаются в Вас, а ради высоких ценностей, которыми обладает исламский мир и которые могут принести успокоение и спасение всем народам и распутать клубок основных проблем, волнующих человечество. Серьезный подход к Исламу, возможно, навсегда избавит Вас от таких проблем, как Афганистан и т.п. Мы не отделяем себя от мусульман всего мира и всегда заботимся об их судьбе.

Предоставив определенную свободу в совершении религиозных обрядов в некоторых республиках Советского Союза, Вы продемонстрировали, что уже не считаете, что религия — опиум для народа. Разве религия, превратившая Иран в неприступную скалу перед лицом сверхдержав, опиум для народа? Разве можно назвать опиумом для народа религию, устремленную к установлению справедливости в мире и желающую освободить человека от оков материальных и душевных забот. Да, безусловно, та религия, которая станет средством предоставления материальных и духовных богатств исламских и неисламских стран сверхдержавам, и будет кричать об отделении религии от политики, и есть опиум для народа. Но это уже не настоящая вера, а то, что наш народ называет «проамериканской религией».

В заключение хочу твердо заявить, что Исламская Республика Иран как самый могущественный оплот исламского мира может с легкостью заполнить вакуум, образовавшийся в идеологической системе Вашего общества. Как бы то ни было, наша страна по-прежнему придерживается принципов добрососедства и развития двусторонних отношений и уважает эти принципы. Желаю благословения тем, кто следует праведным путем.

Рухолла Аль-Мусови Аль-Хомейни 1 января 1989 г.

МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЯМ МОСКОВСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КЛУБА «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»

Заседание первое, 30 сентября 2005 г. Тема «Государство и олигархия».

Андрей Павлович Бунич. Государство и олигархия. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 32 с.

1. *Андрей Бунич.* Необходимо демонтировать олигархическую систему управления.
2. *Андрей Бунич.* Квазилиберальное двоемыслие и парадоксы приватизации.
3. *Андрей Бунич.* Они притаились в Лондоне и ждут...
4. *Андрей Бунич.* Позади ли потрясения?
5. *Андрей Бунич.* Мы смешали олигархам карты.
6. *Виктория Петрова.* Кто заменит олигархов?
7. Точка в деле залоговых аукционов еще не поставлена.
8. *Андрей Князев.* Что ждет Россию после крушения олигархов?
9. *Андрей Бунич.* Технология ГКЧП или реванш олигархов.
10. *Андрей Бунич.* Сцилла всепрощения и Харибда национализации.

Заседание второе, 14 октября 2005 г. Тема «Постиндустриальный класс».

Александр Иванович Неклесса. Постиндустриальный класс. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 56 с.

1. Новый интеллектуальный класс.
2. Локомотив Постмодерна, или «Территория тьмы».
3. История в (пост)современном интерьере.
4. Personalia

Заседание третье, 28 октября 2005 г. Тема «Какая конституция нужна России? К столетию манифеста 17 октября 1905 года»

Конституция России. Новый строй. — Москва: Институт национальной стратегии, 2005. 122 с.

- I. Конституция России. Проект Института национальной стратегии.
- II. Новый строй. Дискуссия Агенства политических новостей.
 1. *Михаил Ремизов.* Проект «государство-цивилизация».
 2. *Ярослав Бутаков.* Как нам переучередить Россию?
 3. *Борис Межуев.* Апология федерализма.
 4. *Юрий Солозобов.* Вечная Россия и временная Конституция.
 5. *Павел Святенков.* Двухэтажная Конституция.
 6. *Владимир Карпец.* Возвращение к основам.
 7. *Юрий Коринец.* Между «старым государством» и «новой империей».

Презентация клуба «Красная площадь». Гостинный двор 10 ноября 2005 г.

Буклет «Клуб “Красная площадь”». — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 8 с.

Заседание четвертое, 24 ноября 2005 г. Тема «Кризис цивилизации: переселение народов»

Ольга Выхованец, Сергей Градировский, Дмитрий Житин, Татьяна Лопухина, Никита Мкртчян. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития. Аналитический доклад / Под ред. С.Н. Градировского. — Москва: Фонд «Наследие Евразии»; Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа, 2005. 310 с.

Заседание пятое, 9 декабря 2005 г. Тема «Кризис цивилизации: картография глобального масштаба»

Александр Иванович Уткин. Кризис цивилизации: картография глобального масштаба. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 32 с.

1. Цивилизация против глобализации.
2. Стоимость демократии.
3. Империя победила республику.

Заседание шестое, 20 декабря 2005 г. Тема «Кризис цивилизации сквозь призму антропологии»

Сергей Сергеевич Хоружий. Кризис цивилизации: сквозь призму антропологии. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 24 с.

1. Глобализация и поиск новой модели человека.
2. Эвтанасия.
3. Судьба Адама и судьба Ивана.

Заседание седьмое, 13 января 2006 г. Тема «Глобальная революция: ретроспектива и перспективы»

Глобальная революция: ретроспектива и перспективы. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. 32 с.

1. *Михаил Делягин*. Социально-экономическая программа будущей революции.
2. *Дмитрий Андреев*. Последний шанс Путина, ли Превентивная «бархатная революция».
3. *Александр Неклесса*. Поражение России.

Заседание восьмое, 27 января 2006 г. Тема «Закат России и проект нового государства-цивилизации»

Закат России и проект нового государства-цивилизации. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. 40 с.

1. *Александр Неклесса*. Введение.
2. *Станислав Белковский, Владимир Голышев, Роман Карев, Никита Кричевский, Михаил Ремизов*. Обналичивание власти: финальная стратегия российского правящего слоя.
3. *Станислав Белковский*. Проект сырьевой колонии.

4. Имперский проект: 2 взгляда

Анатолий Чубайс. Миссия России в XXI веке (в изложении).

Станислав Белковский. Империализм как высшая стадия либерализма.

5. *Сергей Марков*. Понять будущее.

Общество должно обсудить и решить проблему 2008 года.

Лекция, прочитанная участникам псковского молодежного регионального движения «Первый рубеж» (фрагменты)

6. *Глеб Павловский*. На пятой точке вниз по мокрой глине.

Заседание девятое, 10 февраля 2006 г. Тема «Альтернативные сценарии глобальной революции»

Альтернативные сценарии глобальной революции. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. 92 с.

1. *Борис Кагарлицкий*. Поколение Сиэтла.
2. *Борис Кагарлицкий*. Капитализм как миросистема.
3. *Гейдар Джемаль*. Манифест Нового Интернационала.
4. *Гейдар Джемаль*. Декларация Интернациональной Социальной лиги.
5. *Юрий Крупнов*. Гиперимперия США или мировая держава Россия?
6. *Максим Калашников*. Нейрономика: жизнь в стиле action
7. Материалы к заседаниям Московского интеллектуального клуба «Красная площадь»

